Древняя и новая Россия. 1880. № 9.

І. И. ЖЕЛѢЗНОВЪ

И СКАЗАНІЯ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ

О

ХИВѢ.

Окраины Россіи всегда привлекали къ себѣ вниманіе русскаго правительства, какъ пограничные стратегическіе пункты. Сознавая всю ихъ важность для спокойствія и обороны государства отъ внѣшнихъ враговъ, правительство награждало окраинцевъ разными привиллегіями, которыхъ не имѣли жители центральной Россіи. Но особенно занимали наше правительство восточныя окраины Россіи, съ ихъ разноплеменнымъ населеніемъ. На этомъ рубежѣ между Европой и Азіей совершались великія событія, имѣвшія сильное и неотразимое вліяніе на общій ходъ развитія русскаго государства. Здѣсь издавна сталкивались и перемѣшивались самыя разнообразныя племена человѣческаго рода, чему много способствовало отсутствіе тѣхъ физическихъ преградъ, которыя служатъ причиною изолированности народнаго существованія и племенныхъ этнографическихъ особенностей. Отсюда дѣлали набѣги на русскую землю различные кочевники; по этой дорогѣ пришелъ на Русь съ своей ратью Батый. Здѣсь совершалось вѣковое смѣшеніе славянъ съ племенемъ финскимъ и съ племенами монгольскаго и тюркскаго происхожденія. На этомъ пространствѣ разыгралась не одна кровавая драма: здѣсь кололи, рѣзали и жгли другъ друга русскіе, башкиры, киргизы, каракалпаки, мещеряки, калмыки и другіе инородцы. Почти два вѣка эта мѣстность была театромъ башкирскихъ бунтовъ, закончившихся волненіями заводскихъ крестьянъ, взаимною рѣзнею яицкихъ казаковъ и пугачевщиной. Петръ Великій, прорубившій, по выраженію Пушкина, окно въ Европу, чрезвычайно мѣтко опредѣлилъ политическое значеніе для Россіи ея восточныхъ окраинъ и прилегающихъ къ нимъ киргизскихъ степей. Намѣреваясь отправить Тевкелева въ киргизскую орду, онъ замѣтилъ: «оная Киргизкайсацкая орда

182

всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ ключъ и врата». Смерть помѣшала Петру, прорубившему окно въ Европу, овладѣть этимъ ключемъ и отворить ворота въ Среднюю Азію; задачу эту осуществили его преемники, благодаря мѣропріятіямъ и энергической дѣятельности Кирилова, Татищева, Соймонова и особенно И. И. Неплюева, вышедшихъ изъ практической школы геніальнаго преобразователя Россіи.

При такомъ политическомъ значеніи этого края и при его природныхъ богатствахъ, понятно и то вниманіе, которое оказано ему иностранными и русскими изслѣдователями. Этотъ край видѣлъ у себя Палласа, Георги, Эйлера, Таушера, Гумбольдта, Розе, Ганстеена, Дю, Эверсмана и другихъ иностранцевъ; надъ изученіемъ его немало потрудились и наши соотечественники—Рычковъ, Лепехинъ, Левшинъ и Карелинъ. Уральское казачье войско и его территорія, входя въ составъ этого края, также издавна были предметомъ разносторонняго изученія и описанія иностранцевъ и русскихъ, особенно въ топографическомъ и естественноисторическомъ отношеніяхъ: геодезисты и топографы не разъ измѣряли пространство приуральскихъ степей и луговъ, величину рѣкъ, озеръ, возвышенностей; моряки дѣлали описаніе казачьихъ морскихъ дачъ; астрономы опредѣляли географическое положеніе важнѣйшихъ пунктовъ на войсковой территоріи; зоологи изучали фауну, ботаники—флору страны; минералоги и геологи—составъ и устройство земныхъ слоевъ; этнографы собирали и записывали казачьи пѣсни, преданія и повѣрья; имѣли своихъ изслѣдователей и казачьи промыслы (особенно багренье) и вообще хозяйственные порядки общины; наконецъ, и прошлое войска, его исторія не осталась совершенно въ сторонѣ отъ этихъ изысканій. Особенно много сдѣлали для изученія этого края Палласъ, Рычковъ и Карелинъ. Несмотря, однакожь, на всѣ эти труды и изысканія, многаго еще недостаетъ для всесторонняго и полнаго изученія уральскаго войска, и въ будущемъ предстоитъ обширное поле дѣятельности для мѣстныхъ изслѣдователей, коренныхъ жителей края, которымъ многое можетъ быть болѣе доступно и понятно, чѣмъ людямъ посторонним, пріѣзжающимъ издалека и притомъ на короткое время, незнающимъ иногда и языка жителей той страны, которую они желали бы изучить. Мы тѣмъ болѣе вправѣ желать этого, что между самими уральцами бывали и есть люди даровитые и способные къ такому труду. Кому изъ уральской интеллигенціи не извѣстны, напримѣръ, труды І. И. Желѣзнова, павшаго жертвою людской злобы и товарищеской недогадливости, или труды А. П. Хорошхина, убитаго 22 августа 1875 г. въ битвѣ съ коканцами при Махрамѣ? Кто изъ уральцевъ не читалъ полныхъ мѣстнаго интереса статей М. К. Курилина, Н. Ѳ. Савичева, М. П. Хорошхина, г. Болдырева и др.? Будущій историкъ уральскаго войска обязанъ познакомиться съ трудами этихъ мѣ-

стныхъ литературныхъ дѣятелей, если онъ желаетъ избѣжать ошибокъ и пробѣловъ въ своемъ трудѣ [1]. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлію познакомить читателей съ біографіею и литературной дѣятельностію одного изъ такихъ мѣстныхъ изслѣдователей уральскаго войска, его любимца, І. И. Желѣзнова, который первый изъ уральцевъ выступилъ на литературное поприще, и потому долженъ стать во главѣ мѣстныхъ природныхъ изслѣдователей своего края и его обитателей. Біографія І. И. Желѣзнова была написана его товарищемъ и сослуживцемъ Н. Ѳ. Савичевымъ; но она напечатана въ «Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ» [2] и потому, вѣроятно, извѣстна немногимъ. Должное вниманіе къ провинціальной печати появилось у насъ очень недавно; а потому едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что біографія І. И. Желѣзнова прошла незамѣченной въ нашей столичной прессѣ. Большинство читающей публики, вѣроятно, знаютъ покойнаго Желѣзнова развѣ только какъ автора его очерковъ «Уральцы», появившихся въ первый разъ въ 1859 г. и теперь въ продажѣ, кажется, уже не существующихъ. Въ виду всего этого, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о покойномъ бытописателѣ уральскаго войска, а потомъ приведемъ и записанныя имъ сказанія уральскихъ казаковъ о походахъ въ Хиву Бековича-Черкасскаго и графа В. А. Перовскаго.

Іоасафъ Игнатьевичъ Желѣзновъ родился 12 ноября 1824 года въ Гурьевѣ— городкѣ, расположенномъ при устьѣ р. Урала. Отецъ его былъ урядникъ уральскаго войска; дома онъ жилъ мало, а больше все находился на внѣшней службѣ и пропалъ безъ вѣсти, оставивъ малютку-сына на попеченіе матери. Въ 1837 г. двѣнадцатилѣтній Желѣзновъ былъ привезенъ въ Уральскъ и опредѣленъ въ войсковое училище. По окончаніи въ немъ курса, въ 1841 г., Желѣзновъ поступилъ на службу въ канцелярію гурьевскаго начальника, въ чинѣ урядника. Но канцелярская служба не могла удовлетворить умнаго и любознательнаго юношу. «Меня поражаетъ», говорилъ онъ, «вся эта безтолковщина и бездѣлье, которыя называютъ дѣлами». Несмотря на это, онъ аккуратно исполнялъ возложенныя на него обязанности, покуда состоялъ на службѣ. Въ 1844 году онъ былъ переведенъ въ канцелярію уральскаго

---

[1] А. П. Хорошхинъ хорошо зналъ языки киргизскій и калмыцкій; большую часть своей службы онъ провелъ въ Туркестанскомъ округѣ и, по взятіи Хивы, былъ назначенъ въ число членовъ совѣта, учрежденнаго при хивинскомъ ханѣ. Кромѣ уральскаго войска, онъ не мало потрудился и надъ изученіемъ Средней Азіи. Статьи его помѣщались въ «Газетѣ для сельскихъ хозяевъ», «Военномъ и Туркестанскомъ сборникахъ», въ «Оренбургскихъ, Туркестанскихъ и Московскихъ вѣдомостяхъ»; ему же принадлежитъ и книжка для чтенія въ начальныхъ школахъ уральскаго войска подъ заглавіемъ «Уральскіе казаки», содержащая краткій историческій очеркъ и два принадлежащія ему стихотворенія: «Ургенчъ» и «Иканъ». М. П. Хорошхинъ помѣстилъ нѣсколько статей въ «Военномъ сборникѣ»; М. К. Курилинъ—въ журналѣ «Воспитаніе» и въ «Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ»; Н. Ѳ. Савичевъ втеченіе десяти лѣтъ сотрудничалъ въ мѣстной газетѣ; здѣсь же напечатана и чрезвычайно серьезная статья г. Болдырева «Изслѣдователи нашего края» (Ур. в. вѣд. 1874 г., №№ 39—42; 1875 г. №№ 2—6).

[2] За 1870 г. №№ 22—27.

наказнаго атамана писцомъ, но въ томъ же году, по собственному желанію, перешелъ въ гурьевскую линейную команду. Пылкій и впечатлительный юноша влюбился здѣсь въ одну бѣдную дѣвушку и хотѣлъ уже жениться на ней; но этому помѣшалъ его начальникъ, поставивъ на видъ яркую картину нищеты, при тѣхъ средствахъ, какими располагалъ влюбленный женихъ. Съ глубокою сердечною скорбью отказался Іоасафъ Игнатьевичъ отъ осуществленія своего желанія. Чувство разлуки съ любимой дѣвушкой, которую онъ въ глубинѣ души привыкъ уже считать своею подругой жизни, усилилось въ немъ еще болѣе, когда онъ узналъ, что эта дѣвушка, вопреки ея желанію, была выдана родителями замужъ за нелюбимаго ею человѣка. Эта первая и, какъ оказалось, послѣдняя любовь Желѣзнова послужила какъ бы зародышемъ его литературной дѣятельности. Н. Ѳ. Савичевъ сообщаетъ, что, разбирая послѣ смерти Желѣзнова бумаги, онъ нашелъ, въ числѣ другихъ рукописей, повѣсть, въ которой І. И. описалъ свои отношенія къ этой дѣвушкѣ и къ окружавшей ихъ обоихъ средѣ; но «та непринужденность», замѣчаетъ г. Савичевъ, «съ какой написана эта повѣсть, даетъ ей мѣсто только въ портфелѣ бумагъ покойнаго».

Вскорѣ послѣ этого Желѣзновъ былъ назначенъ начальникомъ въ красноярскій форпостъ. Красноярцы скоро и сильно полюбили своего новаго начальника. Живя здѣсь, Іоасафъ Игнатьевичъ внимательно всматривался и вдумывался въ бытъ казаковъ. По выраженію его біографа, онъ въ это время, какъ хорошо приготовленная фотографическая пластинка, принималъ на себя все представлявшееся предъ нимъ; но воспринятыя имъ изображенія, какъ въ негативѣ, до времени оставались непроявленными: нужны были еще процессы, чтобы изображенія проявились и дали позитивы.

Весной 1846 года Желѣзновъ, по назначенію начальства, отправленъ на службу въ киргизскую степь, въ Уральское укрѣпленіе. Находясь здѣсь не менѣе года, онъ хорошо изучилъ характеръ и привычки киргизовъ, этихъ сыновъ природы и степей. Въ слѣдующемъ году онъ возвратился въ Уральскъ. Лица, хорошо и близко знавшія Желѣзнова, передаютъ, что онъ послѣ этого не могъ равнодушно говорить о службѣ въ степи и даже боялся, чтобы не пришлось ему снова идти туда на службу. Нарисовавъ очень вѣрную картину киргизской степи въ своей повѣсти «Василій Струпяшевъ», онъ называетъ эту степь лишаемъ земнаго шара.

Въ 1848 г. Желѣзновъ записался волонтеромъ въ экстренно сформированный казачій № 6 полкъ, который, впрочемъ, только на слѣдующій годъ получилъ приказаніе выступить въ Москву. Перваго іюня 1849 года, послѣ напутственнаго молебна, полкъ выступилъ изъ города. Удалыя пѣсни казаковъ, музыка, бубны, литавры и т. п. знаки внѣшняго веселья какъ бы силились заглушить искреннія рыданія казачьихъ женъ, дѣтей и матерей и подавить грустное чувство разлуки въ са-

михъ казакахъ. Но мало-по-малу все стихло. Казачки, наплакавшись и распрощавшись съ своими мужьями и дѣтьми, вернулись въ городъ, а казаки пошли въ путь дорогу на царскую службу.

Когда полкъ перешелъ Общій Сыртъ, за которымъ начинается Самарская губернія, и когда Желѣзновъ впервые увидѣлъ грязныя мужицкія хаты, онъ былъ пораженъ ихъ контрастомъ съ свѣтлыми, просторными и опрятными форпостными домиками казаковъ: «Боже мой»! воскликнулъ онъ, входя въ избу: «и тутъ живутъ люди»!? Но зато совершенно противоположное впечатлѣніе произвела на него Самара, съ ея кипучей дѣятельностью на набережной великой русской рѣки, съ ея красивыми храмами и домами: «Какъ хорошо все это видѣть своими глазами»! замѣтилъ онъ: «какая книга можетъ такъ ясно и внушительно представить дѣйствительность?! — Нѣтъ, надобно все видѣть самому, чтобы имѣть полное и вѣрное понятіе о предметахъ»! А когда полкъ переправился на правый, нагорный берегъ Волги, и Желѣзновъ увидѣлъ необозримыя поля, засѣянныя рожью, онъ съ энтузіазмомъ юноши заговорилъ, обращаясь къ своему товарищу: «сколько нужно было рукъ и труда, чтобы обработать такое пространство, и какъ на это хватило времени!?—И все это въ свое время сожнется, обмолотится!... Что наши степи съ ихъ волнистымъ ковылемъ? Что наша военная жизнь и замашки? Вотъ гдѣ храбрость, вотъ гдѣ подвиги!!! Долго молодой, еще неискушенный жизнью, оптимистъ читалъ свой панегирикъ трудолюбію крестьянъ; но по мѣрѣ углубленія полка во внутреннія губерніи, его оптимизмъ слабѣлъ все болѣе и болѣе и, въ концѣ концовъ, перешелъ въ самый безотрадный пессимизмъ. Ему пришлось, во время этого похода, видѣть воочію, какъ дѣйствительно тяжелы полевыя крестьянскія работы; онъ былъ очевидцемъ покинутости младенцевъ, лежавшихъ въ корзинкахъ и люлькахъ подъ тѣнью сноповъ; онъ видѣлъ, какъ эти крошки-люди, съ красными, опухшими отъ вѣтра и близкими къ слѣпотѣ глазами, ревѣли, требуя пищи; какъ прибѣгали къ нимъ, по-очереди, матери и, обливаясь потомъ, припадали грязною грудью съ перегорѣлымъ отъ жары молокомъ къ засохшимъ губамъ малютокъ. Словомъ Желѣзновъ узналъ много такого, о чемъ на Уралѣ ему и во снѣ не грезилось, гдѣ женщины, и особенно дѣвицы, изъ казачьяго сословія проводятъ время, по большей части, въ праздности: не жнутъ, не ткутъ и не прядутъ; у иныхъ, даже форпостныхъ казачекъ есть наемныя работницы, которыя готовятъ пищу и убираютъ домашній скотъ, доятъ коровъ, выгоняютъ ихъ въ стадо и т. п. Удивляясь тупости и забитости крестьянъ, Желѣзновъ говорилъ, что это рабочія живыя машины, а не люди. Но особенно ему, какъ говорится, было не по себѣ, когда онъ входилъ въ подробности быта крѣпостныхъ крестьянъ и отношенія къ нимъ помѣщиковъ, при посредствѣ разныхъ Карловичей и Эдуардовичей. Вообще это путешествіе съ полкомъ было для Желѣзнова практической школой жизни, которая

186

переучивала его посвоему, образуя въ немъ особый взглядъ на вещи. Доселѣ больше беззаботный малый, онъ дѣлается сосредоточеннѣе, задумчивѣе; ничто не ускользало отъ его наблюденія; очень многое вызывало его на размышленіе и выводы.

По прибытіи въ Москву, уральскій № 6 полкъ былъ размѣщенъ по квартирамъ въ селѣ Черкизовѣ, что у Преображенской заставы. Москву на этотъ разъ Желѣзновъ видѣлъ проѣздомъ и могъ сказать о ней не болѣе Скалозуба: «дистанція огромнаго размѣра». Вскорѣ полкъ долженъ былъ выступить въ Кіевъ. Походъ уральцевъ черезъ Тульскую и Орловскую губерніи замѣчателенъ былъ безкормицей: люди питались только картофелемъ и чернымъ хлѣбомъ, а лошади—соломой Но за то казаки вздохнули въ Черниговской губерніи, гдѣ всего было вдоволь; и лошади, и люди поправились. Въ Тулѣ Желѣзновъ внимательно осмотрѣлъ оружейный заводъ, а въ Орлѣ побывалъ въ театрѣ, гдѣ мошенники выкрали у него изъ кармана единственный рубль; познакомился съ комфортабельными гостинницами и получилъ понятіе о порядочныхъ общественныхъ баняхъ. По прибытіи въ Кіевъ, Іоасафъ Игнатьевичъ побывалъ въ Лаврѣ и пещерахъ, гдѣ почиваютъ мощи святыхъ угодниковъ. Вскорѣ получено было предписаніе о расквартированіи полка въ губерніяхъ Кіевской и Волынской. Штабъ полка расположился въ Звенигородскѣ.

Два года прожилъ уральскій полкъ № 6-й въ Малороссіи почти въ бездѣятельности: «Лучше бы проспать эти два года», говорилъ Желѣзновъ, «чѣмъ жить такъ!» Въ это время Іоасафъ Игнатьевичъ очень близко сошелся съ своимъ полковымъ командиромъ И. Е. Акутинымъ, человѣкомъ умнымъ и честнымъ, по отзывамъ знавшихъ его. Онъ полюбилъ Желѣзнова какъ роднаго и, представляя его въ хорунжіе, отмѣтилъ, что представляетъ его къ чину за отличныя умственныя способности. Не правда-ли оригинально!?

Въ октябрѣ 1851 г. Желѣзновъ, вмѣстѣ съ полкомъ, возвратился въ Уральскъ; но здѣсь онъ оставался недолго: ему не нравился тотъ принципъ, котораго держалось служилое и вліятельное сословіе уральскаго общества: «наживай и копи деньги; смолоду гнись, а выростешь и выйдешь въ люди—самъ гни другихъ». Вообще немного было здѣсь лицъ, съ которыми могъ сойтись Желѣзновъ по своему характеру и взгляду на вещи; а потому онъ вскорѣ удалился въ Гурьевъ къ своей матери и написалъ здѣсь статью «Картины аханнаго рыболовства», начатую еще въ походѣ. Явившись въ Уральскъ, онъ передалъ эту статью штабъ-офицеру, отправлявшемуся съ презентомъ отъ войска въ Петербургъ, и просилъ его переговорить о ней съ кѣмъ-либо изъ издателей журналовъ. Вскорѣ авторъ получилъ извѣстіе, что одна редакція предлагаетъ ему за статью 25 рублей, но съ условіемъ предоставить редакціи право передѣлки и исправленія статьи. Въ отвѣтъ на это Желѣзновъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующее: «Пусть какая

ни есть моя статья, но моя; а когда ее выправятъ да передѣлаютъ, я тогда не узнаю мое дѣтище». Статья была возвращена.

Въ февралѣ 1852 г. Желѣзновъ узналъ о производствѣ его въ хорунжіе, по представленію И. Е. Акутина; а весной слѣдующаго года онъ пріѣхалъ въ Уральскъ и завербовался въ полуполкъ, который долженъ былъ идти на службу въ Москву. Нужно замѣтить, что уральскіе казаки стали ходить на службу въ Москву еще въ 1818 г., а въ 1837 г. образовался особый сводный полкъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, состоявшій наполовину изъ уральскихъ и наполовину изъ оренбургскихъ казаковъ; этотъ-то полкъ, мѣняясь въ своемъ составѣ каждое трехлѣтіе, и долженъ былъ постоянно находиться въ Москвѣ, ея окрестностяхъ и уѣздѣ; впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ былъ упраздненъ. Желѣзновъ поступилъ въ этотъ полкъ адъютантомъ при полковомъ командирѣ, у котораго и жилъ какъ членъ семейства; слѣдовательно, съ матеріальной стороны онъ былъ совершенно обезпеченъ. Переселившись съ полкомъ въ Москву, Іоасафъ Игнатьевичъ не покидалъ ея втеченіе девяти лѣтъ; здѣсь-то собственно и началась его литературная дѣятельность; здѣсь же, можно сказать, она и закончилась.

Замѣчательно то, что всегда воздержный Желѣзновъ, по прибытіи въ Москву, загуллялъ, какъ говорится, напропалую; но удивительно, что здоровье его, не очень завидное, нетолько отъ этого разстроилось, а напротивъ еще поправилось. Но кружилъ онъ, какъ и нужно было ожидать, недолго. Вскорѣ онъ какъ-то познакомился съ М. П. Погодинымъ и помѣстилъ въ издававшемся имъ журналѣ «Москвитянинъ» свою статью «Картины аханнаго рыболовства». Напечатавъ тамъ же свою статейку о башкирцахъ, онъ засѣлъ дома, окружилъ себя книгами и принялся пополнять свое скудное образованіе. Къ этому же времени относится его знакомство съ Аксаковымъ, Катковымъ и Островскимъ, которые относились чрезвычайно внимательно и любезно къ молодому казачьему адъютанту, отличавшемуся необыкновенной любознательностію и хорошимъ тактомъ. Безъ сомнѣнія, знакомство и бесѣды съ образованными москвичами не могли не вліять на Желѣзнова въ отношеніи его развитія.

Начиная съ 1855 года, Іоасафъ Игнатьевичъ вступаетъ въ литературную полемику съ Небольсинымъ въ «Москвитянинѣ», упрекая его въ киргизоманіи. Вслѣдъ затѣмъ являются его критическія замѣтки на «Исторію Пугачевскаго бунта» Пушкина. Вопреки мнѣнію нашего знаменитаго поэта, Желѣзновъ доказываетъ, что яицкіе казаки не создавали Пугачева; что Пугачевъ—дѣтище партіи Петра III и кукла, которою сыны Яика играли по своему усмотрѣнію. Послѣ этого Желѣзновъ начинаетъ писать повѣсти и разсказы изъ быта уральскихъ казаковъ. Этотъ жанръ былъ ему болѣе по силамъ и по душѣ. Наконецъ, Іоасафъ Игнатьевичъ переходитъ къ изученію исторіи казачества на Руси и начинаетъ рыться въ архивахъ.

Уральское войсковое начальство неоднократно принималась за отысканіе въ столичныхъ архивахъ подлинныхъ граматъ (или хотя копій съ нихъ), данныхъ нѣкогда русскими царями яицкому войску на владѣніе рѣкою Ураломъ и землями, прилегающими къ ней, такъ называемыхъ «владѣнныхъ» граматъ, сгорѣвшихъ въ XVII ст., въ большой пожаръ въ Яицкомъ городкѣ, теперешнемъ Уральскѣ; но всѣ поиски оказались напрасными. Желѣзновъ, думая, не будетъ ли онъ счастливѣе другихъ, принялся за тѣ же поиски, выхлопоталъ себѣ позволеніе заниматься просмотромъ бумагъ въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Во время этихъ поисковъ и занятій въ архивѣ, онъ отрылъ много дѣлъ, касающихся прошлаго исторіи яицкаго войска. Подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него этимъ матеріаломъ, у него зарождается мысль написать исторію уральскаго казачьяго войска. Но сознавая обширность и сложность такого труда, онъ не торопился приступать къ его выполненію, а продолжалъ собирать и группировать добытые матеріалы; дѣлалъ выписки изъ книгъ казачьяго повытья и другихъ собраній документовъ, и принялся съ особенною ревностію за изученіе казачества на Руси по печатнымъ источникамъ: въ черновыхъ бумагахъ покойнаго встрѣчается очень много выписокъ изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, изъ сочиненій Георгія Конисскаго, Регельмана, Краснова, изъ актовъ историческихъ и граматъ, изъ разныхъ мемуаровъ и т. п. Въ то же время онъ не переставалъ слѣдить и за ходомъ русской литературы, получившей къ тому времени большую свободу. Существовавшее раньше распоряженіе о недозволеніи открывать новые журналы и газеты было отмѣнено въ первые же годы настоящаго царствованія и почти каждый годъ стали появляться новыя періодическія изданія.

Въ 1857 г. долженъ былъ кончиться срокъ службы Желѣзнова въ Москвѣ; но онъ заранѣе исхлопоталъ себѣ разрѣшеніе прослужить еще три года въ Москвѣ и попрежнему продолжалъ работать. Вслѣдствіе усиленныхъ физическихъ и умственныхъ трудовъ, здоровье Іоасафа Игнатьевича замѣтно разстроилось: онъ началъ страдать одышкой и воображалъ, что у него аневризмъ сердца. Поселившись, съ наступленіемъ весны, на Воробьевыхъ горахъ, съ цѣлью поправленія здоровья, онъ вначалѣ очень былъ недоволенъ выборомъ этого мѣста и говорилъ своему товарищу: «меня втаскиваетъ на квартиру деньщикъ, и я три раза отдыхаю, покуда карабкаюсь на гору».—Впрочемъ, онъ скоро привыкъ къ этому моціону и потомъ ходилъ легко и много по горамъ, собирая грибы и изучая ихъ породы. Здоровье его къ концу лѣта замѣтно поправилось, а въ слѣдующемъ году онъ взялъ отпускъ и отправился на Уралъ, съ цѣлью ознакомленія съ мѣстными архивами, особенно съ архивомъ Илецкаго городка. Въ эту поѣздку онъ записалъ нѣсколько преданій, выслушанныхъ имъ отъ старыхъ людей, и пріобрѣлъ нѣсколько рукописей, относящихся ко времени Пугачева. Особенно

интересенъ разсказъ о Пугачевѣ, записанный имъ со словъ девяностопятилѣтней инокини Августы, въ міру—Анисьи Васильевны Махориной или Перстняковой, урожденной Невзоровой. Разсказъ этотъ, найденный въ черновыхъ бумагахъ покойнаго, сообщенъ нами IV-му археологическому съѣзду и потомъ появился въ французскомъ журналѣ «Revue Historique», въ переводѣ профессора А. Рамбо, подъ заглавіемъ: «Traditions populaires dans la Russie orientale sur l'insurrection de Pougatchef un récit inédit sur le faux Pierre III» [1]. Интересъ этого разсказа доказывается уже и тѣмъ, что онъ удостоился перевода на французскій языкъ и обратилъ на себя всеобщее вниманіе нашей періодической прессы [2].

Въ бытность свою въ Уральскѣ въ 1858 году, Желѣзновъ получилъ предложеніе отъ наказнаго атамана, А. С. Столыпина, написать исторію уральскаго войска, отъ чего, впрочемъ, онъ отказался. «Удивительные люди»! жаловался онъ намъ: «какъ они легко хотятъ распоряжаться чужимъ трудомъ. Напиши имъ исторію, да непремѣнно къ четвергу; а я бьюсь годы только въ приготовленіи къ тому; самъ на себя не угожу, а тутъ приведется угождать вкусу другихъ и жертвовать, можетъ быть, своими взглядами и убѣжденіями,—слуга покорный»!...

Въ то время какъ Желѣзновъ находился въ отпуску, въ Москвѣ печатались его сочиненія, появившіяся до того въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Типографскія издержки и самый трудъ изданія принялъ на себя одинъ изъ его друзей Н. И. Шаповаловъ. Сочиненія Іоасафа Игнатьевича были изданы въ 1858 г. въ двухъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ «Уральцы». Въ первый томъ вошли слѣдующія статьи: 1) Картины казацкой жизни; 2) Сайгачники; 3) Башкирцы; 4) Картины аханнаго рыболовства; а во второй томъ: 1) Василій Стругошевъ; 2) Критическая ст. на «Истор. Пугачевскаго бунта» Пушкина и 3) Мысли казака о казачествѣ. Статья «Мысли казака о казачествѣ», вошедшая безпрепятственно въ томъ, была раньше напечатана въ «Парусѣ», который прекратился со 2 № и навлекъ на Желѣзнова непріятность попасть въ число писателей, подлежащихъ надзору. Но особенно Желѣзновъ возбудилъ подозрѣніе къ себѣ со стороны цензуры статьею «Что такое казацкій офицеръ?» Отдавая предпочтеніе прежнему казачьему общинному или народному самоуправленію, авторъ яркими красками рисуетъ недостатки казацкаго офицерства вообще и дворянства въ особенности. Узнавъ, что военная цензура, которой было поручено разсмотрѣть эту статью, запретила печатать ее, Желѣзновъ былъ цѣлую недѣлю въ сильномъ волненіи, унынiи и негодованіи. «Помню», замѣчаетъ его біографъ, «когда я въ утѣшеніе ему сказалъ, что эта статья годится для потомства, то онъ возразилъ:—Не то можетъ идти для по-

---

[1] Revue Hist. T. septième, Mai-Août, 1878, Paris, 374—379.

[2] Извлеченіе изъ этого разсказа мы встрѣчали въ «Древней и Новой Россіи», въ «Голосѣ», «Новомъ Времени», «Совр. Извѣстіяхъ» и др.

190

томства, что нужно болѣе всего современникамъ; мы должны работать болѣе для настоящаго, а въ будущемъ явятся работники получше насъ [1].

По выходѣ въ свѣтъ сочиненій І. И. Желѣзнова, авторъ имѣлъ счастіе поднести одинъ экземпляръ его императорскому высочеству, въ Бозѣ почившему цесаревичу Николаю Александровичу. Сочиненія Желѣзнова были приняты государемъ наслѣдникомъ благосклонно и авторъ награжденъ золотыми часами, при слѣдующемъ письмѣ отъ генералъ-адъютанта Зиновьева: «Сочиненіе ваше, подъ заглавіемъ «Уральцы», въ которомъ вы описываете въ разсказахъ бытъ уральскихъ казаковъ, я имѣлъ честь представить государю наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу. Его императорское высочество, принявъ сочиненіе это благосклонно, соизволилъ, съ высочайшаго разрѣшенія государя императора, пожаловать вамъ золотые часы съ таковою же цѣпочкою. Съ удовольствіемъ препровождая при семъ этотъ подарокъ, покорно прошу о полученіи меня увѣдомить [2].

Въ ноябрѣ 1860 года А. Д. Столыпинъ, отправляясь въ отпускъ заграницу, остановился на нѣсколько времени въ Москвѣ. Желѣзновъ, не желая разставаться съ Москвой, обратился къ нему съ просьбой объ оставленіи его на третій срокъ въ Москвѣ. Столыпинъ сначала отказалъ, а потомъ обѣщалъ подумать объ этомъ и дать рѣшительный отвѣтъ весной слѣдующаго года, по возвращеніи изъ-за-границы. Между тѣмъ Столыпинъ, желая освободить уральскій полуполкъ отъ службы въ Москвѣ, обратился по этому дѣлу къ московскому оберъ-полиціймейстеру, генералъ-маіору Потапову. Послѣдній, по отъѣздѣ Столыпина изъ Москвы, пригласилъ къ себѣ полковаго командира П. А. Назарова и І. И. Желѣзнова и, послѣ личнаго разговора съ ними касательно упраздненія всего полка, просилъ каждаго порознь изложить свое мнѣніе по этому вопросу письменно. Исполнивъ порученіе Потапова, Желѣзновъ высказалъ потомъ свой взглядъ на это дѣло и печатно въ «Современной Лѣтописи» (1861 г., № 34), несмотря на нѣкоторыя препятствія со стороны московскаго генералъ-губернатора Тучкова. Узнавъ о приготовленіи Желѣзновымъ статьи по поводу упраздненія полка, Тучковъ пожелалъ прочитать ее до появленія въ печати и, по прочтеніи, просилъ автора исключить вѣдомость, въ которой были означены мѣста служенія уральскихъ казаковъ въ Москвѣ, на что авторъ и долженъ былъ согласиться. Между тѣмъ Потаповъ представилъ Тучкову свой проектъ объ упраздненіи всего своднаго полка въ Москвѣ, но получилъ отказъ, по-

---

[1] Черновая рукопись этой статьи хранится въ уральскомъ войсковомъ архивѣ (№ 92). На обложкѣ, подъ заглавіемъ статьи, написано: «Посвящается всѣмъ моимъ землякамъ, какъ благороднымъ, такъ и простонароднымъ»; въ концѣ статьи на полѣ помѣтка: «Москва. Декабрь, 1859 г.» Рукопись состоитъ изъ 26 листовъ (104 страницы).

[2] Подлинное письмо, за № 363, отъ 13 мая 1859 г., хранится въ уральскомъ в. архивѣ, по описи № 95-й.

чему въ апрѣлѣ 1861 г. взялъ на недѣлю отпускъ въ Петербургъ и лично представилъ свой проектъ военному министру. На другой же день сдѣланъ былъ докладъ государю императору, который, раздѣляя мнѣніе Потапова, повелѣлъ вторично доложить о томъ въ Москвѣ, гдѣ императоръ предполагалъ быть въ маѣ.

Въ концѣ апрѣля Столыпинъ возвратился изъ-за границы въ Петербургъ, куда немедленно отправился и Желѣзновъ, заручившись рекомендательнымъ письмомъ отъ Каткова къ графу Строгонову, заступившему мѣсто генерала Зиновьева, въ качествѣ воспитателя покойнаго наслѣдника Николая Александровича. По прибытіи въ столицу, Желѣзновъ прежде всего посѣтилъ своего атамана; но при свиданіи съ нимъ, онъ не рѣшился напомнить ему о своей просьбѣ, опасаясь отказа, а самъ Столыпинъ о томъ не заводилъ разговора. Распростившись съ Столыпинымъ, Желѣзновъ отправился въ свою квартиру и, переодѣвшись въ парадную форму, поѣхалъ къ графу Строгонову. Человѣкъ, вышедшій на его звонокъ, сообщилъ, что графъ боленъ и никого не принимаетъ; но замѣтивъ печальную мину просителя, сказалъ, что онъ все таки попробуетъ доложить о немъ графу, и ушелъ. Чрезъ нѣсколько минутъ человѣкъ вышелъ и, къ неожиданному удовольствію Желѣзнова, пригласилъ его въ кабинетъ больнаго графа. Строгоновъ не вставалъ съ постели, что, впрочемъ, не помѣшало ему принять гостя ласково и любезно: онъ приказалъ человѣку поставить стулъ возлѣ своей постели и пригласилъ Желѣзнова сѣсть. Въ разговорѣ съ нимъ, графъ замѣтилъ, что онъ слышалъ объ его литературныхъ трудахъ еще бывши въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ, но не успѣлъ прочитать его сочиненій. Графъ совѣтовалъ Желѣзнову продолжать занятія литературой и охотно взялся ходатайствовать за него предъ Столыпинымъ. Отъ Строгонова Желѣзновъ, не переодѣваясь, отправился къ своему атаману. Столыпинъ сначала выразилъ удивленіе, видя Желѣзнова въ полной парадной формѣ; но узнавъ, въ чемъ дѣло, слегка упрекнулъ его въ недовѣріи и замѣтилъ, что онъ и безъ ходатайства за него графа оставилъ бы его въ Москвѣ для продолженія его литературныхъ занятій. Но такъ какъ дѣло было уже сдѣлано, то о немъ больше и не поминали. Прощаясь съ Желѣзновымъ, атаманъ сообщилъ ему, что сводный казачій полкъ навсегда будетъ освобожденъ изъ Москвы. Передаютъ, что когда государь, при вторичномъ докладѣ объ упраздненіи этого полка, спросилъ Тучкова, почему не придумали раньше упразднить этотъ полкъ, то Тучковъ будто бы отвѣтилъ на это: «Потому, ваше величество, что каждому начальнику нравилось имѣть даровую прислугу» [1].

Въ началѣ весны 1862 г. І. И. Желѣзновъ получилъ изъ Уральска извѣстіе, что на новыхъ выборахъ членовъ присутствія войсковой кан-

[1] 20 мая 1861 г. отданъ былъ приказъ по военному вѣдомству объ упраздненіи сводnаго казачьяго полка оренбургскаго корпуса.

целяріи онъ избранъ въ ассесоры, а вслѣдъ затѣмъ получилъ и официальное приглашеніе явиться къ мѣсту своей новой службы. Сильно не хотѣлось Желѣзнову разставаться съ Москвой, которой онъ былъ обязанъ своимъ развитіемъ, и только уступая настоянію друзей и чувству долга, въ іюнѣ отправился въ Уральскъ, проживъ въ Москвѣ почти девять лѣтъ. Оставляя Москву, Желѣзновъ утѣшался тѣмъ, что, по выслугѣ урочнаго времени въ должности ассесора, выйдетъ въ отставку и снова пріѣдетъ въ Москву уже навсегда; но рокъ судилъ иначе: въ слѣдующемъ году его не стало—ружейный выстрѣлъ прекратилъ жизнь этого человѣка. Что было причиною самоубійства Желѣзнова—физіологическое ли разстройство мозга, душевная болѣзнь, или недостатокъ силы воли бороться съ тѣми невзгодами жизни, за которыми ожидаетъ сильнаго духомъ побѣда или естественная христіанская кончина,—намъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ нельзя не сожалѣть, что жизнь этого труженика мысли кончилась такъ печально и преждевременно.

Взаключеніе настоящей замѣтки, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ Іоасафѣ Игнатьевичѣ, какъ о человѣкѣ вообще. Впечатлительный и любознательный отъ природы, онъ имѣлъ умъ строго анализирующій и способный къ широкимъ обобщеніямъ. Въ усвоеніи чужихъ идей онъ былъ крайне остороженъ; принятый извнѣ умственный матеріалъ онъ подвергалъ строгому разбору и оцѣнкѣ своего природнаго ума. Пылкій, но сдержанный и скрытный, онъ все принималъ слишкомъ горячо къ сердцу, что, можетъ быть, и сгубило его. Онъ никогда ничѣмъ не рисовался и не обнаруживалъ чувствъ, его волновавшихъ; но дома, наединѣ, давалъ имъ полный просторъ: получивъ извѣстіе о смерти матери, онъ уединился и горько плакалъ. Искать покровительства онъ не любилъ, хотя и готовъ былъ пользоваться расположеніемъ къ нему людей доброжелательныхъ и съ вѣсомъ. Для казаковъ Желѣзновъ всегда былъ симпатиченъ, хотя самъ этого и не добивался; онъ любилъ казаковъ искренно, и это сказывалось въ немъ безъ особенныхъ ласкъ и угожденій съ его стороны. Уральское войско было постояннымъ предметомъ его заботъ и изученія; эта психическая особенность преобладала въ немъ болѣе, нежели въ комъ-либо другомъ изъ уральцевъ: своей родной землѣ онъ посвятилъ свои мысли, способности и труды. Но если онъ такъ сильно и беззавѣтно любилъ уральцевъ, то не въ ущербъ своимъ общечеловѣческимъ воззрѣніямъ: это былъ вообще гуманный человѣкъ. Зная въ совершенствѣ бытъ уральскихъ казаковъ и пользуясь ихъ безграничнымъ довѣріемъ, Желѣзновъ, безъ сомнѣнія, могъ бы оказать важную услугу исторической наукѣ, касательно прошлой жизни яицкаго войска; но трагическая кончина разрушила всѣ его планы и надежды на него другихъ. Беззавѣтно любя уральское войско, этотъ умъ—самородокъ почти всю жизнь носился съ мыслью объ исторіи уральскаго войска. Однажды, когда онъ былъ боленъ, его навѣстилъ одинъ изъ его сослуживцевъ. Находясь въ совершенномъ упадкѣ духа,

больной началъ тревожно говорить о предчувствіи смерти и, съ глубокою грустью въ голосѣ, сказалъ: «Нѣтъ, не успѣю я ничего съ моей исторіей уральскаго войска; хотя бы успѣть записать планъ, какъ я думалъ выполнить свое сочиненіе... Но къ чему и это? Кто, имѣя матеріалъ, захочетъ писать исторію по чужому плану? А могу ли я передать въ запискѣ все, что чувствую, какъ понимаю предметъ моихъ помышленій и заботъ?! Да если бы и могъ, все это будутъ чужія рамки, чужое дѣло!.. Въ случаѣ чего, собери, товарищъ, мои бумаги... Книги куда хочешь дѣвай, а бумаги собери: въ нихъ есть кое-что, за что скажетъ мнѣ спасибо человѣкъ, которому понадобятся мои матеріалы»...

По смерти Желѣзнова, часть собранныхъ имъ документовъ была напечатана въ Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ [1] М. К. Курилинымъ подъ заглавіемъ: «Неизданные матеріалы къ исторіи уральскаго войска»; а другая часть была въ распоряженіи гг. Рябинина и Данилевскаго, писавшихъ объ уральскомъ войскѣ; нѣкоторыя бумаги были у Н. Ѳ. Савичева, П. И. Корина, М. П. Хорошхина и другихъ уральцевъ. Нужно думать, что собраніе бумагъ покойнаго Желѣзнова было богатое, такъ какъ на это дѣло онъ употребилъ немало времени и, при серьезномъ взглядѣ на задуманное предпріятіе, не спѣшилъ приступать къ осуществленію своего желанія. Одинъ довольно большой сборникъ бумагъ покойнаго Желѣзнова находится въ настоящее время у насъ подъ руками; въ немъ, кромѣ различныхъ указовъ и грамотъ русскихъ царей и царицъ и административныхъ распоряженій, находится нѣсколько черновыхъ статей, замѣтокъ и набросковъ карандашомъ самого автора. Но особенно обратила на себя наше вниманіе черновая рукопись, озаглавленная «Сказанія уральскихъ казаковъ: 1) казакъ Терскій, 2) Утвинское побоище и 3) Хива». Вся рукопись состоитъ изъ 28 листовъ съ большими полями; по всему видно, что это только черновые наброски того, что авторъ думалъ, вѣроятно, обработать впослѣдствіи: многіе листы перечеркнуты; на поляхъ сдѣланы разныя замѣтки и поправки; послѣднія встрѣчаются и между строкъ; нѣкоторыя мѣста даже трудно разобрать. Несмотря на это, рукопись, по нашему мнѣнію, весьма любопытна; часть ея, именно о казакѣ Терскомъ, вошла уже въ нашу монографію: «Яицкое войско до появленія Пугачева» [2]. Въ настоящее время мы предлагаемъ вниманію любителей народныхъ сказаній самую большую и главную ея часть, заключающую въ себѣ разсказъ казака А. Д. Барсукова о походахъ въ Хиву Бековича-Черкасскаго и графа В. А. Пе-

---

[1] За 1869—1870 годы.

[2] «Русск. Архивъ» 1879 г. О казакѣ Терскомъ см. кн. 1, стр. 289—290. То же преданіе вошло и въ статью «Происхожденіе уральскаго войска», напечатанную въ «Древней и Новой Россіи» (1879, № 7) и перепечатанную въ «Оренбургскомъ листкѣ» (1879, №№ 36—38).

ровскаго, съ присоединеніемъ послѣсловія самого Желѣзнова подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ отъ автора» [1].

Хивинское ханство издавна занимало яицкихъ казаковъ. Извѣстному въ исторіи походу въ Хиву Бековича-Черкасскаго предшествовали походы туда же яицкихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамановъ Нечая и Шамая, о которыхъ доселѣ сохраняется память въ преданіяхъ и пѣсняхъ уральскаго войска [2]. Въ походѣ Бековича-Черкасскаго участвовало 1500 яицкихъ казаковъ, которые почти всѣ погибли въ Хивѣ. Спустя 120 лѣтъ послѣ этого, предпринятъ былъ новый походъ въ Хиву, подъ начальствомъ графа В. А. Перовскаго. Но всѣ эти походы кончились неудачно: Нечай и Бековичъ сложили свои головы въ Хивѣ; Шамай попался въ плѣнъ и вывезенъ потомъ на Яикъ калмыками одинъ-одинешенекъ, а Перовскій вынужденъ былъ вернуться съ полпути, затративъ немало денегъ и многихъ схоронивъ изъ своего отряда въ Киргизской степи. Подъ вліяніемъ такихъ неудачъ, между уральскими казаками сложилось убѣжденіе, что Хива—страна заклятая, что до поры до времени покорить ее нельзя. Но плачевные результаты походовъ въ Хиву Бековича-Черкасскаго и Перовскаго не ослабили энергіи и стремленія русскаго правительства къ выполненію задачи, начертанной Петромъ Великимъ по отношенію къ Хивѣ: въ 1873 г. предпринятъ былъ новый походъ въ эту страну—и заклятая Хива пала, склонивъ голову предъ русскими войсками.

Преданія уральскихъ казаковъ о походахъ въ Хиву Нечая и Шамая вошли въ нашу монографію «Яицкое войско до появленія Пугачева», а потому повторять ихъ здѣсь было бы излишне. Приводимый ниже разсказъ казака Барсукова представляетъ взглядъ народа на походы Бековича-Черкасскаго и графа Перовскаго, о первомъ мало сохранилось въ народной памяти, походъ же Перовскаго отличается интересными подробностями. Служебная дѣятельность Перовскаго, его мѣропріятія, пріемъ управленія обширнымъ Оренбургскимъ краемъ, обстановка жизни и т. п. доселѣ живо сохраняются въ памяти уральскихъ казаковъ, которые поютъ о немъ пѣсни и разсказываютъ разные анекдоты; но весьма немногое изъ этого оглашено въ нашей печати. Въ виду этого мы думаемъ, что любители исторіи не посѣтуютъ на насъ за приводимый ниже разсказъ казака Барсукова, участника и очевидца хивинской экспедиціи Перовскаго. А. Д. Барсуковъ, вмѣстѣ съ суевѣріями и баснями, сообщаетъ очень много дѣйствительнаго, фактическаго. Въ этомъ убѣдится всякій, кто только прочтетъ его разсказъ и сличитъ съ письмами другаго участника хивинской экспедиціи, В. И. Даля, къ роднымъ [3] и съ письмами само-

[1] Незначительная часть изъ этой рукописи вошла въ наше изслѣдованіе: «Расколъ въ уральскомъ войскѣ въ концѣ XVIII и въ XIX в.», стр. 84—89.

[2] Р. Арх. 1879 г., кн I, стр. 234.

[3] Письма В. И. Даля были напечатаны въ «Русск. Архивѣ» за 1867 г. Превосходнымъ дополненіемъ этихъ писемъ служитъ наиболѣе откровенное письмо В. И. Даля къ Г. П. Гельмерсену, помѣщенное въ русскомъ переводѣ Я. К. Грота въ «Сборникѣ 2 отд. Акад. Наукъ», 1873 г.

го вождя похода Перовскаго къ московскому почтдиректору Александру Яковлевичу Булгакову. [1] Нѣкоторыя выдержки изъ послѣднихъ мы приводимъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ разсказу Барсукова. Общій взглядъ казака Барсукова на хивинскую экспедицію 1839—1840 г. вполнѣ подтверждается самимъ предводителемъ похода. Въ своемъ письмѣ къ Булгакову, отъ 14-го февраля 1840 г., Перовскій, между прочимъ, говоритъ: «Увы! Что сказать вамъ объ насъ? Мнѣ не хочется начинать и рѣчи. Трудныя муки рожденія возбуждаютъ участіе, могутъ даже возбудить удивленіе, когда переносятся съ твердостію; но для этого необходимо, чтобы свидѣтель вѣрилъ и надѣялся, что эти муки приведутъ къ счастливому разрѣшенію. Онѣ достойны только сожалѣнія, когда за ними послѣдуетъ выкидышъ... Походъ кончился несчастливо; это-выкидышъ, и послѣдствія будутъ тѣмъ неблагопріятнѣе, чѣмъ больше было говору. Пророки, и въ числѣ ихъ пророки англійскаго клуба, должны торжествовать... Кто не участвовалъ въ этомъ походѣ, будь онъ военный человѣкъ или нѣтъ, не можетъ составить себѣ понятія даже и приблизительнаго о безчисленныхъ неодолимыхъ и ежеминутныхъ затрудненіяхъ, среди которыхъ я очутился, какъ скоро оказалось, что всѣ вѣроятности успѣха противъ меня». [2] Разсказъ Барсукова даетъ разгадку и къ тому, почему уральскіе казаки такъ молодецки вынесли этотъ «несчастный» (по выраженію Перовскаго) походъ.

Владиміръ Витевскій.

ХИВА.

(Изъ сказаній уральскихъ казаковъ).

I.

ПОХОДЪ КНЯЗЯ БЕКОВИЧА.

«Еще долго ли намъ, ребята, на Дарьѣ стоять?
На Дарьѣ стоять, ребята, караулъ держать?—
Мы Дарью—рѣку пройдемъ рано съ вечера,
А Кувань—рѣку пройдемъ въ глуху полночь,
А въ Хиву придемъ вкругъ бѣлой зари»...

(Изъ пѣсни уральскихъ казаковъ).

«Хива—страна заклятая; до поры до времени покорить ее никакими силами нельзя», началъ свой разсказъ мой собесѣдникъ, Аф. Д. Барсуковъ, когда я попросилъ его разсказать что-нибудь о походѣ въ Хиву князя Бековича-Черкасскаго. — «Еще допрежь Бековича»—продолжалъ старикъ—«не разъ наши праотцы, то-ись казаки яицкіе, дѣлали попытки—хаживали въ Хиву, сами собой, безъ указу значитъ царскаго; щипать—щипали ее, было дѣло; но совсѣмъ покорить не

[1] Русск. Архивъ 1878 г., кн. 2, стр. 34—46.
[2] Тамъ же, стр. 42 и 43.

196

могли, то-ись не могли подвести ее подъ державу Бѣлаго Царя, подобно тому, какъ Ермакъ Тимофеевичъ подвелъ Сибирь. Нѣтъ, живуча, проклятая! Случалось, батенька, и такъ, что наши-то и сами насилу оттуда ноги утаскивали; чай, не одна тысяща нашихъ молодцовъ сложила свои буйны головы въ Хивѣ проклятой. Хотя прискорбно и вспоминать объ этомъ; однако «шила въ мѣшкѣ не утаишь»—что правда, то правда! На нашихъ, впрочемъ, и дивовать нельзя, что Хиву не покорили,—наши что? наши—народъ вольный, беззаботный, отчету наши никому не давали, а вотъ когда о Бековичѣ вспомнишь—какъ онъ-то, голубчикъ, не покорилъ Хиву, такъ поневолѣ призадумаешься; не повѣрилъ бы, да повѣришь, что на Хиву заклятье положено. Вѣдь князь Бековичъ пошелъ на Хиву не самъ собой, а по указу царя Петра Перваго, а Петръ Первый шутить не любилъ: чуть не такъ—за ушко да на солнышко. Предъ Петромъ Первымъ не точію свои, а и чужестранные енералы дрожали, какъ листъ передъ травой. Что енералы?—цари-то всѣ, короли-то всѣ невѣрные ему дань платили; одна только Хива въ усъ не дула—вотъ ты и подумай! Бековичъ пошелъ въ Хиву не съ горсточкой, какъ къ примѣру наши праотцы допрежь него ходили: Бековичъ пошелъ, батенька, съ цѣлой арміей. Опричь нашихъ казаковъ, у Бековича были и донскіе казаки, и гребенскіе, были и солдаты, и драгуны; у Бековича и антирелiи и всякаго пушечнаго снаряда была бездна; при Бековичѣ было много и другихъ енераловъ, полковниковъ и всякихъ военныхъ чиновниковъ; одно слово, Бековичъ пошелъ съ настоящей ратью. Теперь спрошу тебя (обратился ко мнѣ старикъ): какъ же Бековичъ не взялъ Хиву? А вѣдь до Хивы-то онъ дошелъ. Что ты на это скажешь, а?»

— Какъ, въ самомъ дѣлѣ, Бековичъ не взялъ Хивы?—переспросилъ я въ свою очередь разсказчика.

«Взять-то онъ ее взялъ, да не удержалъ; вотъ въ чемъ и сила-то! Бековичъ благополучно дошелъ до Хивы. Безъ бою, безъ драки хивинцы покорились ему. Хивинскій ханъ и всѣ его мурзы-визири вышли за ворота, пали предъ Бековичемъ на колѣни и, какъ водится, чебурахнулись головою объ землю три раза; поднесли ему на золотомъ блюдѣ ключи отъ города—значитъ, покорились. —По нашимъ книгамъ,—говорятъ хивинцы,—мы довольно хорошо извѣстны, что рано-ли, поздно-ли намъ не миновать рукъ Бѣлаго Царя, подобно тому, какъ не миновали Казань и Астрахань. Видно-де, говорятъ, пришло то время: покоряемся. Шествуй, говорятъ хивинцы Бековичу, въ городъ и твори волю пославшаго тя; бери съ насъ дань, какъ указы Царя Бѣлаго повелѣваютъ: повинны заплатить, супротивничать не смѣемъ. Только вотъ что осмѣлимся объяснить вашему княженецкому степенству, говорятъ злые и хитрые хивинцы: Хива городъ не оченно большой, какъ и самъ изволишь видѣть; боимся, какого бы утѣсненья не послѣдовало твоей арміи насчетъ фатеръ и насчетъ продовольствія. По этимъ ре-

зонтамъ (говорятъ хивинцы Бековичу) не угодно ли будетъ вашей княженецкой милости сдѣлать такъ: разставить свою армеюшку не въ одной Хивѣ, а и въ другихъ по смежности городкахъ и мѣстечкахъ; самыя что ни лучшія мѣста отведемъ, гдѣ и людямъ будетъ привольно, и конямъ ихъ кормно; одно слово,—говорятъ хивинцы Бековичу,—потщимся предоставить вашему княженецкому степенству и всему воинству расейскому всякое удовольствіе; такъ ублаготворимъ, что на всю жизнь довольно останетесь.—Выслушамши такую льстивую рѣчь злыхъ хивинцевъ, князь Бековичъ умилился и тотъ же часъ, не говоря худаго слова, отдалъ подначальнымъ енераламъ и чиновникамъ приказъ въ такой силѣ, чтобы каждый енералъ, каждый чиновникъ съ своимъ отрядомъ разошлись на фатеры по разнымъ мѣстамъ, гдѣ хивинцы укажутъ; а самъ со свитой и съ небольшимъ конвоемъ вступилъ въ городъ Хиву; вступилъ—и больше ужь не выѣзжалъ, больше ужь и на свѣтъ-то божій не глядѣлъ. Такимъ манеромъ, продолжалъ старикъ, заманили хитрые хивинцы Бековича съ арміею словно въ западню; заманили, и въ одну ночь задали карачунъ всѣмъ русскимъ, то-ись иныхъ, голубчиковъ, перерѣзали какъ барановъ, иныхъ въ полонъ забрали и невольниками подѣлали, а самого Бековича злой-презлой казни предали: съ живаго, говорятъ, съ него кожу содрали, разбестіи! Вотъ тебѣ и покорились! Вотъ тебѣ и ублаготворили! Вотъ тебѣ и дань заплатили! Если и всѣ такъ будутъ поступать, добра немного»! Старикъ при этомъ плюнулъ презрительно. Помолчавъ немного, онъ проговорилъ:

«Не бѣлый-то лебедь, лебедчикъ воскликнулъ,—
Добрый молодецъ, князь Бекичевъ, слезно восплакалъ»...

«Вотъ этими самыми словами (продолжалъ разсказчикъ) зачиналась пѣсня про князя Бековича; да я, словно на грѣхъ, и въ молодую-то пору плохо ее зналъ, а хоша и пѣвалъ, то за другими, теперь же—говорить-ли?—совсѣмъ забылъ, а то-бы я тебѣ, кстати, спѣлъ; не взыщи ужь. Помню (прибавилъ старикъ), пѣсня была такая жалостливая, такая заунывная! Да и какъ не быть ей жалостливой; шутка-ли?—съ живаго кожу снять!?...—Брррръ»!!!—Старикъ сдѣлалъ кислую гримасу и отчаянно потрясъ головой. Потомъ продолжалъ: «А сколько нашихъ-то казаковъ погибло—языкъ не выговоритъ! Полторы тысячи, сказывали старики, полторы тысячи пошло съ Бековичемъ въ походъ, а вернулось на Яикъ, въ разное время, какихъ-нибудь два-три десятка не больше; всѣхъ хивинцы-изверги порѣшили: которыхъ, значитъ, перерѣзали, которыхъ въ плѣнъ забрали, и тѣ тамъ дни свои скончали. Только одному казачку, молодому парню и собой красавцу, въ тотъ разъ посчастливилось: не видалъ онъ, этотъ казачекъ, ни рѣзни, ничего такого, отъ чего сердце крушится; скорѣй, можно сказать, видалъ онъ то, отъ чего сердце голубится.—Слушай, какая линія вышла.—На фатерѣ, гдѣ казачокъ стоялъ, полюбила его молодая хивинка, дочь ли, сноха ли хозяйская,—не умѣю сказать хорошенько,

да вѣдь не въ томъ и сила!—Вотъ она-то, эта молодая хивиночка, и защитила казачка. Въ ту ночь, въ которую хивинцы уговорились задать Бековичу и всѣмъ нашимъ карачунъ, хивиночка увела казачка изъ дому въ садъ, въ самый глухой и удаленный уголъ и спрятала; одно слово, припрятала молодца въ какомъ-то потаенномъ мѣстечкѣ. Тамъ казакъ и сохранялся сколько-то времени; тамъ, значитъ, и любовью они пробавлялись, то-исть, казачекъ и хивиночка. Сортъ!»—замѣтилъ старикъ съ нѣкотораго рода самодовольствіемъ.

«Напослѣдокъ, послѣ рѣзни (продолжалъ старикъ), послѣ всей заворохи, когда со всѣхъ мѣстъ хивинцы съѣхались въ Хиву къ хану праздновать, по своей поганой вѣрѣ, богомерзкое торжество надъ русскими, хивинка обрядила казачка въ хивинскую одежу, дала ему провизіи и сколько-то серебряныхъ и золотыхъ денегъ,—въ Хивѣ бумажекъ нѣтъ,—потомъ вывела изъ лабаза самую что ни есть рѣзвую лошадь, трухменскаго аргамака, отдала ее казачку и на ней велѣла ѣхать въ путь-дорогу, то-исть, на родимую сторону. Больше, значитъ, не можно было хивинкѣ сохранять казачка (пояснилъ разсказчикъ), а выдать его хивинцамъ на смерть либо на неволю злую — жалѣла: любила, значитъ. Басурманки—басурманки, а за ними этакія художества водятся! Хорошо. Хивинка совѣтовалась съ какой-то старухой, пособницей своего дѣла, и, по ея совѣту, научила казака какъ проѣхать ему черезъ хивинскую землю, чтобы не попасться хивинцамъ въ руки. Казакъ простился съ хивиночкой, поѣхалъ и за родительскія молитвы выѣхалъ на Яикъ здравъ и невредимъ.—Въ дорогѣ казакъ не одинъ разъ встрѣчался съ разными хивинцами и удачно отдѣлывался отъ нихъ. А какъ отдѣлывался? Смѣшно сказать! Къ примѣру: встрѣнутся съ нимъ хивинцы, спросятъ, кто онъ, куда ѣдетъ и зачѣмъ. А онъ притворится нѣмымъ, не говоритъ, а только мычитъ; потомъ сниметъ съ сѣдельной луки запасную узду, покажетъ хивинцамъ, ткнетъ пальцемъ въ гриву лошадь и сдѣлаетъ руками знакъ: лошадь-де пропащую разыскиваю. Этого мало: спрыгнетъ съ лошади и проведетъ ладонью по лбу лошади, даетъ знакъ: лошадь-де лысая; потомъ нагнется и обведетъ рукою около колѣнъ лошади—даетъ знакъ: лошадь-де бѣлоногая. Каково?! Ай да хивиночка! Полюбила молодца и уму-разуму научила»! замѣтилъ старикъ съ самодовольствомъ: «такихъ давай Богъ нашему брату!... Хивинцы поглядятъ-поглядятъ на нѣмаго, улыбнутся и покачаютъ головой: не видали-де; и поѣдутъ, оболтусы, своей дорогой, а казачекъ и радъ, дальше ѣдетъ. Такимъ манеромъ и проѣхалъ онъ сквозь хивинскія жилья и выѣхалъ въ степи.—Въ степяхъ случалось ему сталкиваться кой съ какимъ людомъ, примѣрно, съ киргизами; но отъ нихъ онъ прямо пускался вскачь и ускакивалъ: лошадь была ужь оченно рѣзвая.

«А другой казакъ, по имени Трифонъ М—чъ Новинской, инымъ манеромъ спасся и вышелъ изъ Хивы», продолжалъ разсказчикъ. «Этотъ былъ мужчина пожилыхъ лѣтъ; бороду имѣлъ большую-пребольшую,

чуть не до пояса, окладистую и сѣдую. Онъ что сдѣлалъ?—Обрядился, сударь мой, татарскимъ муллой, то-ись навертѣлъ на шапку куска два бязи, и въ такомъ видѣ пошелъ путешествовать.—Молодецъ! Справедливо въ пѣсняхъ говорится про стариковъ:

«Старый казакъ догадливъ былъ»....

«И что же?» продолжалъ разказчикъ,—«куда Тр. М. ни придетъ, вездѣ орда встрѣчаетъ его съ почетомъ: напоитъ, накормитъ и на дорогу провизіи дастъ. Въ иномъ мѣстѣ спросятъ его; кто онъ, откуда и куда путешествуетъ, а онъ, чтобы не доказать себя, кто онъ такой есть, прикинется молчальникомъ, опуститъ глаза въ землю, вздыхаетъ поглаживаетъ свою бородушку да шепчетъ про себя,—однако такъ, чтобы ордѣ было слышно,—шепчетъ: «Алла! Алла! бисмилля!» Орда разинетъ ротъ, дивуется, принимаетъ Тр. М. за странника, за богомольца, за молчальника, — пуще прежняго оказываетъ ему почтеніе. Случалось, и очень часто, отъ аула до аула лошадь подъ него давали, провожатыхъ съ нимъ посылали; одно слово, встрѣчали и провожали Тр. М. съ уваженіемъ и почтеніемъ. Такимъ манеромъ онъ всю орду прошелъ, проѣхалъ безпрепятственно. По выходѣ изъ орды въ Расею, Тр. М. представлялся самому Петру Первому. Представлялся онъ царю на Волгѣ, когда Царь плылъ изъ верховыхъ городовъ въ Астрахань. царь очень удивился и спросилъ Тр. М-ча, какимъ побытомъ онъ, одинъ—одинехонекъ, прошелъ чрезъ орду басурманскую?

«Бородушка помогла!» отвѣтилъ Т. М-чъ.

«Какъ такъ?» спрашиваетъ царь и пуще прежняго дивуется.

«Такъ-и-такъ!» говоритъ Т. М-чъ: «по бородушкѣ меня вездѣ съ почетомъ встрѣчали и провожали».

«Исполать-же тебѣ, старинушка!» сказалъ Петръ Первый и ласково погладилъ Трифона М-ча по сѣдой его бородушкѣ. «Значитъ не всуе я пожаловалъ вашу братью, яицкихъ казаковъ, бородой: умѣете пользоваться ею; что хорошо, то хорошо!» сказалъ царь. «А какъ твое имя, отчество и прозвище?» спросилъ Петръ Первый: «скажи-ка въ другой разъ, я забылъ.» Трифонъ М-чъ сказалъ свое имя, отчество и прозвище. Царь съ минуту подумалъ и сказалъ: «Такъ какъ провела тебя чрезъ орду басурманскую твоя почтенная борода, то будь же ты, Т. М-чъ, отнынѣ до вѣка не Новинской, а Бородинъ!»

«Царское слово свято!» сказалъ разсказчикъ: «и сталъ послѣ того Тр. М-чъ прозываться Бородинымъ. Одни изъ теперешнихъ чиновниковъ Бородиныхъ,» прибавилъ старикъ, «къ примѣру почтенный П. М., Храбрый К. Ф. и другіе ихъ родня, идутъ отъ колѣна Трифона М-ча; въ ихъ роду и сохранилась память о томъ, какъ Трифонъ М-чъ надулъ цѣлую орду и славу себѣ получилъ.»

II.

Походъ графа Перовскаго.

«Жаль Бековича!» замѣтилъ я, выслушавъ старика.

200

«Коли не жаль? Очень жаль!!» сказалъ старикъ.—«Хоша Бековичъ и новокрещенъ былъ, не русской, значитъ, природы; а всетаки служилъ Богу и великому государю, всетаки пострадалъ за нашу матушку Расею. И пострадалъ же, голубчикъ!! Страдаютъ хуже, да рѣдко, Шутка ли: съ живаго шкуру содрали! У насъ по этому побыту и поговорка вошла въ силу: пропалъ, какъ Бековичъ!»

Ужь не измѣну ли Бековичъ сдѣлалъ? спросилъ я моего собесѣдника. Не подкупили-ли его хивинцы? [1]

«Что ты, что ты!» заговорилъ старикъ: «какъ можно! Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Рано ли, поздно ли, а это бы открылось: «нѣсть бо тайно, еже не явится» это, батенька, въ писаніи сказано, замѣтилъ глубокомысленно старикъ и потомъ продолжалъ: Хоша не отъ нашихъ, отъ хивинцевъ бы можно было послѣ услыхать. Нѣтъ, нѣтъ, касатикы Грѣхъ такую напраслину взводить на Бековича. Еще вотъ что въ резонъ возьми,» прибавилъ старикъ; «когда бъ Бековичъ сдѣлалъ измѣну—хивинцы не казнили-бъ его, не содрали бъ съ него съ живаго шкуру; а скорѣе сдѣлали бъ его какимъ-нибудь мурзой или какимъ-нибудь салтаномъ. На этотъ счетъ хивинцы молодцы: они всякому рады, кто своей волей передается имъ. Бывали случаи на моей памяти: солдатъ иль-бо мужикъ какой изъ астраханцевъ убѣжитъ къ нимъ въ Хиву, они и того съ радостію примутъ и въ большіе чины произведутъ. Это ужь такъ, не спорь!»

—Значитъ, сплоховалъ Бековичъ?!»—замѣтилъ я, выслушавъ доводы старика въ защиту Бековича.

«Съ одной стороны може и такъ, а съ другой, пожалуй, и не такъ!» возразилъ старикъ. «Хоша и есть поговорка: самъ плохъ—не дастъ Богъ, однако въ иномъ разѣ и поговорка не попадаетъ въ точку; по крайности, насчетъ Хивы это такъ. Вѣдь ужь сказано: Хива—страна подъ заклятьемъ, ну и шабашъ: суемудрствовать тутъ нечего! Бековичъ ли—не Бековичъ ли, сплоховалъ ли,—не сплоховалъ ли, это, сударь мой, все единственно: конецъ одинъ, рѣшенье одно, хоть къ бабушкѣ не ходи: неудача да вся недолга! Къ примѣру, Василій Алексѣичъ Перовскій, чай, не Бековичу былъ чета, поважнѣе, чай, Беко-

[1] Да не покажется кому-либо страннымъ вопросъ, сдѣланный мною разсказчику. Казаки, какъ и солдаты и всѣ вообще простолюдины, въ высшей степени недовѣрчивы и подозрительны: всякую, сколько-нибудь значительную, неудачу главнаго начальника на войнѣ или въ походѣ, особенно того, кто носитъ не русскую фамилію, они готовы отнести къ измѣнѣ или ко взяткѣ, что въ отношеніи предводителя тожественно. Отъ такого нареканія не уходятъ и свои офицеры, начальники степныхъ отрядовъ. Если, напримѣръ, офицеру, начальнику отряда, не удастся взять въ плѣнъ или разбить какого-нибудь бунтующаго киргизскаго батыря, напр. Исета Кутебарова, и если, по мнѣнію казаковъ, удобные къ тому случаи были упущены, то казаки непремѣнно выведутъ такое заключеніе, что начальникъ взялъ съ батыря с д а р к у т. е. взятку, а попросту: сдѣлалъ измѣну. Все это, конечно, доказываетъ, что казаки не очень-то вѣрятъ въ чистоту начальническихъ убѣжденій.

вича (я тебѣ послѣ разскажу, кто таковъ былъ Перовскій), а когда пошелъ на Хиву, что взялъ?—брусъ съ оселкомъ! Только рать свою разсѣялъ по дикóй степи да бездну царской казны задаромъ истратилъ.» [1]

Старикъ остановился и призадумался. Видно было, что онъ предался воспоминаніямъ не очень-то отраднымъ; потомъ заговорилъ: «У!!! и походъ же былъ хивинскій—одно слово гибель! и скоту, и людямъ гибель! Для насъ уральцевъ нипочемъ: народъ мы не такой, чтобы степныхъ походовъ бояться, а вотъ для солдатиковъ бѣдныхъ и говорить нечего: для нихъ хивинскій походъ былъ гибельный прегибельный, что твоя холера, не объ ней будь сказано. Я самъ сломалъ этотъ походъ, кое-что многое видалъ своими глазами: нехорошо!» Старикъ сдѣлалъ печальную мину и потрясъ головой.

— Такъ ты былъ въ хивинскомъ походѣ? спросилъ я моего собесѣдника: я этого не зналъ.

Старикъ кивнулъ головой

— Разскажи-ка; я послушаю, какъ вы отличались.

— «Пожалуй, разскажу»,—сказалъ старикъ, «только (прибавилъ онъ) не обезсудь, какъ умѣю и что помню»!

Помолчавъ съ минуту, старикъ началъ:

«Сперва-на-перва слѣдуетъ знать, сударь мой, кто таковъ былъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, и по какому побыту онъ сочинилъ хивинскій походъ, а потомъ уже рѣчь пойдетъ и про самый походъ. Согласенъ»? спросилъ старикъ.

— Сдѣлай одолженіе, очень радъ! отвѣтилъ я.

— «Ну такъ слушай»,—сказалъ старикъ,—«или нѣтъ, не слушай, а прежде мнѣ отвѣтъ дай, когда знаешь: отчего Перовскій прозывался Перовскимъ»?

— Такая ужь фамилія, а отчего—не знаю.

— «Я такъ и думалъ, что не знаешь»,—сказалъ старикъ съ самодовольствомъ и прибавилъ: «Перовскимъ онъ прозывался отъ пера»!

— Отъ какого пера? спросилъ я.

— «А вотъ отъ какого», отвѣтилъ старикъ: «къ примѣру, орелъ-птица надъ всѣми птицами старшая; такъ и православный царь нашъ надъ всѣми земными царями старшій. У орла-птицы есть крылья; безъ

---

[1] Касательно расходовъ на хивинскую экспедицію Перовскій былъ такого мнѣнія: «Не слѣдуетъ тревожиться денежною тратою. Деньги, которыя ушли на несчастный походъ, мною предпринятый, возвратились бы правительству сторицею, если бы онъ удался. Тутъ надобно дѣйствовать поанглійски, тѣмъ паче, что имѣется въ виду противодѣйствовать именно англичанамъ. У нихъ денежный вопросъ никогда не служитъ помѣхою, и отъ этого они вездѣ успѣваютъ, что бы ни предприняли. У нихъ разсчетъ ведется на столѣтія, а мы соображаемъ дневную затрату. Разница несмѣтная! Имѣя въ предметѣ послѣдствія предпріятія, которыя окажутся чрезъ извѣстное число лѣтъ, они затрачиваютъ вдесятеро больше, нежели мы, расчитывающіе получить барышъ тотчасъ же»! (Русск. Арх. 1878 г., кн. 2, стр. 41—42).

202

нихъ онъ и парить не можетъ; такъ и у царя нашего есть енералы-сенаторы, безъ нихъ онъ и управлять державой не можетъ. У орла-птицы въ крыльяхъ есть по два главныхъ, понашему, правильныхъ пера; безъ нихъ и крылья, какъ слѣдуетъ, дѣйствовать не могутъ; такъ и у царя нашего межъ енеральствомъ-сенаторствомъ есть два-три енерала главныхъ, что называется, два-три правильныхъ пера; безъ нихъ и енеральство-сенаторство прямо держаться не можетъ, а пойдетъ вкось и вкривь. Вотъ изъ числа этакихъ-то енераловъ и былъ Василій Алексѣевичъ Перовскій; отъ этого самаго онъ и прозывался Перовскимъ. Хоша Перовскій заправлялъ только одной оренбургской губерніей, но гремѣлъ на всю Расею. По лѣтамъ онъ былъ молодъ, а по службѣ да по чину онъ разсыпчаты эполеты носилъ и былъ старше всѣхъ обнаковенныхъ енераловъ въ Расеѣ. Въ Питерѣ, говорятъ, ни одинъ енералъ, кто-бы онъ ни былъ—графъ-ли, князь-ли, все единственно— не смѣлъ на стулъ сѣсть при Перовскомъ, если когда онъ не прикажетъ одно слово, Перовскій былъ большой человѣкъ, только одной титлы ему не доставало, чтобы возвыситься надъ всѣми людьми и стать, что называется, на одну ногу съ царскими персонами; и мудреное такое названіе этой титлы—генералмусимъ, вотъ этакое что-то, право, хорошенько-то не выговорю. Кто изъ енераловъ получитъ такую титлу, тотъ выходитъ изъ-подъ всякаго закона, то-ись ни за какую винность нельзя такого енерала ни подъ арестъ посадить, ни разжаловать; одно слово, енералъ съ такой титлой становится на одну ногу съ царскими особами. Въ случаѣ, когда бы произволеніемъ божіимъ прекратилось царское сѣмя, то на царство сажаютъ генералмуса, а если генералмусовъ двое-трое, то даютъ имъ жербій. Вотъ видишь, какая важная эта титла; но что дорого, то и рѣдко: не очень-то часто жалуютъ такими титлами: къ примѣру, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ наша Расея, только и носилъ эту титлу одинъ Суворовъ. Есть въ военномъ артикулѣ такое изреченіе: «плохъ тотъ солдатъ или казакъ, который не надѣется быть енераломъ». Коль скоро ужь солдату иль бо казаку дозволяется имѣть надежду на енеральство, то какъ же енералу-то запретить имѣть надежду на генералмусима, а тѣмъ паче Василью Алексѣевичу Перовскому, который безъ того былъ главнымъ, что называется, правильнымъ перомъ-енераломъ. Вотъ онъ и задумалъ получить эту титлу. Но какъ ее получить? вотъ загадка! Прежде чѣмъ получить такую высокую титлу, прежде этого, сударь мой, надо заслужить двойную фамилію, безъ этого и титла не дается; а заслужить двойную фамилію, съ позволенія сказать, не мутовку облизать: для этого нужно сдѣлать такую отлику, которую не всякій сдѣлаетъ, которая бы всѣмъ кидалась въ глаза. Къ примѣру, Суворовъ, прежде чѣмъ получилъ титлу генералмуса, заслужилъ другую фамилію—Рымницкаго, это за то, что онъ городъ Рымъ завоевалъ, гдѣ папа рымскій престолъ имѣетъ; значитъ самый знаменитый городъ, что называется, на «ура» взялъ. Одно сло-

во, добраться до такой великой титлы очень, очень мудрено. Даже не всякій, получившій и двойную фамилію, достигаетъ этой титлы: кромѣ Суворова, были и другіе енералы съ двойными фамиліями, къ примѣру, Дибичъ Забалканскій,—за Балканскія горы перешелъ, Паскевичъ-Иванскій,—городъ Ивань у персіянъ завоевалъ; а все-таки такъ и умерли съ двойною фамиліею, а титлы генералмуса не получили. Ну да Богъ съ ними, не о нихъ рѣчь! — Василій Алексѣевичъ — царство ему небесное—очень близокъ былъ къ покойному царю, Николаю Павловичу. Когда Василій Алексѣевичъ бывалъ въ Питерѣ, царь, говорятъ, ни обѣдать, ни чай пить не садился безъ него: завсегда, значитъ, приглашалъ его къ своей царской трапезѣ. Однако какъ царь ни уважалъ Василья Алексѣевича, а и для него не хотѣлъ ломать законные порядки: тожь безъ двойной фамиліи не давалъ и ему титлы генералмуса, да и двойную-то фамилію приказалъ прежде выслужить; значитъ, надо было Перовскому заслужить прежде всего двойную фамилію. Вотъ онъ и вздумалъ сочинить походъ въ Хиву, и сталъ просить у царя на то дозволенія.

— «Позвольте», говоритъ, «ваше царское величество, идти мнѣ на Хиву и покорить ее подъ твое великое державство».

— Пожалуй, говоритъ царь, ступай; только вотъ что, Василій Алексѣевичъ, — сказалъ будто бы царь Перовскому: — какъ бы замѣсто двойной фамиліи не получить тебѣ конфузіи иль бо другое что по хуже. Вѣдь всѣ толкуютъ, говоритъ царь, что Хива — страна подъ заклятьемъ; покоришь ли?—

— «Будьте благонадежны, ваше царское величество! Все это сказки, людскіе предразсудки; когда позволите, я докажу, что этакіе слухи распускаютъ хитрые и лукавые хивинцы, чтобы отклонить отъ себя Расею».

— «Толкуй себѣ: сказки, предразсудки», — замѣтилъ разсказчикъ: «узналъ послѣ, каковы эти сказки, да поздно!—Хорошо,—продолжалъ старикъ,—пошла у насъ по войску молва, что скоро будетъ походъ на Хиву; признаться, спачала мы не совсѣмъ вѣрили этому слуху. Ужь коли Петръ Первый не завоевалъ Хивы, говорили мы про себя, то кому другимъ, думаемъ, придетъ охота валандаться съ нею. Толкуемъ такъ-то, а того въ голову не заберемъ, что, може статься, не Хива нужна, а двойная фамилія нужна; вотъ она въ чемъ штука-то—поди да и пойми съ перваго разу. Еще—ложь ли,—правда ли, болтали въ народѣ, что Василью Алексѣевичу, во что бы то ни стало, а безпремѣнно нужно было сочинить походъ, чтобы развязаться съ однимъ нашимъ полкомъ, лишь бы тотъ не кололъ ему глазъ».

— Съ какимъ это полкомъ? перебилъ я разсказчика.

— «Какъ съ какимъ, развѣ ты не знаешь?» возразилъ старикъ съ удивленіемъ и, немного помолчавъ, продолжалъ: «а впрочемъ, гдѣ-жь тебѣ и знать то было: небольшой еще, чай, былъ въ то время, и слы-

шалъ звонъ, да не зналъ, откуда онъ. Слушай, я разскажу тебѣ вкратцѣ!» Старикъ началъ: «Года за два до хивинскаго похода, именно въ 37 году, угораздило нѣкоторыхъ нашихъ казаковъ, обойдя начальство, подать подачу (прошеніе) на кое-какіе войсковые непорядки. Сглупили казаченьки, что и говорить! И всему дѣлу заводчикъ былъ В. Г. Филичевъ, неспокойный и строптивый старикъ. Хорошо. Въ подачѣ (прошеньѣ) казаки обнесли атамана, Василья Осипыча Покатилова—покойникъ уже, царство ему небесное!—и какъ то стороной задѣли и самого Василья Алексѣевича Перовскаго; чуешь, въ чемъ дѣло-то? Вотъ за такую—то продерзость и вздули голубчиковъ: В. Г. Филичева и всѣхъ его сугласниковъ, если я не ошибаюсь, — человѣкъ до пятидесяти, а може и до семидесяти, хорошенько не упомню, — наказали по закону: кого плетьми, кого сквозь строй, смотря по возрасту, а потомъ разослали голубчиковъ, по винѣ судя, кого въ Сибирь на каторгу, кого туда же на поселеніе, кого въ солдаты, кого въ арестантскія роты; одно слово, всякому прошатаю воздали по закону. Хорошо. Перебравъ прошатаевъ, принялись и за всѣхъ насъ, то есть въ наказаніе всего нашего обчества и чтобы, знаешь, отбить у нашего брата охоту къ дерзостнымъ и дурацкимъ подачамъ, потребовали отъ насъ заразъ четыре пятисотенные полка, т. е. въ 550 ч. каждый полкъ, а всего 2,200 человѣкъ [1]. Вотъ это ужь было и обидно, и тяжко для насъ: обидно потому, что больше половины обчества даже не слыхали о томъ, что затѣвалъ Филичевъ и его сугласники; однако дѣлать нечего, повинны были исполнить: вѣдь мы слуги царскіе. Если когда-бъ батюшкѣ-царю угодно было спросить всѣхъ насъ, мы бы всѣ сѣли на конь и пошли, куда прикажутъ, служить и кровь свою за отечество проливать: это долгъ нашъ, наша обязанность, за то и нарицаемся казаками. Хорошо. Наличный комплектъ войска, за разными раскомандировками, былъ въ ту пору небольшой, всего тысячи въ три съ чѣмъ-то. Знаешь, по нашему положенію, служба у насъ отправляется по найму, и по этому самому и приходилось одной тысячѣ выставлять двѣ тысячи, то-ись одному казаку наниматъ двоихъ казаковъ—это выговорить даже страшно! Однако наняли и выставили четыре полка. Каждый служащій казакъ платилъ двоимъ наемщикамъ круглымъ счетомъ по тысячѣ рублевъ; такимъ родомъ наемъ четырехъ полковъ обошелся нашему войску круглымъ счетомъ въ тысячу тысячъ рублевъ, вотъ во сколько! натощакъ и не выговоришь. Но не объ этомъ рѣчь; слушай дальше! Одному изъ снаряженныхъ полковъ въ тотъ же годъ дали работу: послали на Кашказъ противъ черкашъ, а остальные три полка распустили по домамъ: некуда, значитъ, было потребить. Вотъ это-то особенно было тяжко. Знаешь, по нашимъ правиламъ, тѣмъ казакамъ, кои находятся въ своихъ предѣлахъ, ничего отъ казны не даютъ—ни жалованья, ни провіанта, ни фуража, од-

[1] Смотр. объ этомъ въ книгѣ «Расколъ въ уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему въ концѣ XVIII и въ XIX в.». Казань, 1878 г., стр. 75—80.

но слово, ничего. По нашимъ же правиламъ, знаешь, тѣмъ казакамъ, кои наймутся на какую-бы то ни было службу, не дозволяется уже пользоваться ни рыбными, ни другими промыслами. По этой причинѣ распущенные по домамъ полковые казаки и очутились въ своихъ семьяхъ какъ бы чужіе, и стали пить-ѣсть изъ готоваго, а промышлять не могли. Вотъ это-то, говорю, и было тягостно. Черезъ годъ, однако, сжалились—дали работу еще двумъ полкамъ: одинъ услали въ Бессарабію а другой въ Финляндію. Слава Богу! два полка съ хлѣбовъ долой; остался на Яикѣ одинъ полкъ, четвертый, въ которомъ и я числился: этому бѣдняжкѣ нигдѣ, знать, мѣста не нашлось. Вотъ этотъ-то полкъ и кололъ глаза Перовскому. Теперь понялъ?» спросилъ старикъ.—Я отрицательно покачалъ головой.

— «Эхъ, какой безпонятный!» добродушно замѣтилъ старикъ. «Межъ нами будь сказано», продолжалъ онъ, «еслибъ въ Питерѣ до тонкости знали въ ту пору объ нашихъ обстоятельствахъ, то-бы Перовскому никоимъ манеромъ нельзя было отвертѣться отъ строгаго выговора за то, батенька, что стребовать стребовалъ съ насъ четыре полка, а работы имъ всѣмъ нѣтъ,—вотъ за что! Какъ бы тамъ Василій Алексѣевичъ ни былъ возвеличенъ и превознесенъ, однако, за такіе порядки царь не сталъ-бы гладить его по головкѣ, а безпремѣнно сдѣлалъ-бы ему строгій выговоръ, да не одинъ на одинъ, а при собраньѣ всего енеральства и сенаторства. Вотъ этого то самаго Василій Алексѣевичъ будто боялся, и потому, чтобы развязаться съ нашимъ полкомъ, чтобы потребить его какимъ ни на есть манеромъ въ дѣло, и вздумалъ, говорятъ, заразъ устичь двухъ зайцевъ, то ись двойную фамилію заслужить и нашъ четвертый полкъ потребить, чтобы онъ не былъ у него, яко бѣльмо на глазу. Теперь понялъ?» спросилъ старикъ-разсказчикъ.—Я кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— «Ну, слава Богу!» сказалъ старикъ, а потомъ продолжалъ: «Еще не было отдано никакого приказанія, еще не слыхать, не видать было никакихъ приготовленій къ походу, а въ народѣ у насъ пошла уже молва, что будетъ походъ въ Хиву, и задолго, сударь мой, до похода прошла молва, за полгода иль бо за годъ, вотъ когда!»

— Да какимъ же образомъ народъ узналъ, что будетъ походъ, когда, какъ ты говоришь, не было ни приказаній, ни приготовленій?—спросилъ я моего собесѣдника.

— «Очень просто», отвѣчалъ старикъ: гласъ народа—гласъ Божій—это не даромъ говорится. Слыхалъ я въ молодую пору отъ старыхъ людей, и самъ на своемъ вѣку испыталъ, что ни одно сколько-нибудь значительное дѣло не укроется отъ народа, чтобы народъ не узналъ о немъ допрежъ публикаціи. На первый разъ кажется мудреная вещь, а какъ всмотришься поближе да вдумаешься хорошенько, видишь—вещь очень простая. Къ примѣру, батюшка-царь только еще посовѣтуется съ своими думчими сенаторами о какомъ

206

нибудь значительномъ дѣлѣ, прикажетъ имъ держать покуда въ секретѣ; сенаторы крѣпятся, держатъ дѣло въ секретѣ. Но вотъ одинъ какой-нибудь сенаторушка, слабенькій на язычекъ, и проболтается хоть, къ примѣру, супружницѣ своей,—ну и шабашъ: пошла, значитъ,пильна въ ходъ. Такимъ манеромъ въ Питерѣ въ ину пору только еще судятъ-рядятъ, и бумагъ-то еще не думаютъ писать о какомъ-нибудь дѣлѣ, а народъ уже, смотришь, шушукаетъ:«такъ и такъ, то и то будетъ». Смотришь—правда. Не даромъ, значитъ, говорится: гласъ народа—гласъ Божій. Понялъ?» обратился ко мнѣ разсказчикъ.

Я кивнулъ головой, а старикъ снова заговорилъ: «Прошла, говорю, у насъ молва, что будетъ походъ на Хиву; народъ нашъ и осѣлся, пріунылъ. Не оттого пріунылъ, что походъ—къ походамъ намъ не привыкать стать,—а оттого, что на Хиву походъ, вотъ въ чемъ сила-то! У насъ отъ предковъ идетъ, что Хива возьмется въ послѣднее время, въ одно время съ Ерусалимомъ и Цареградомъ; объ этомъ якобы и въ книгахъ написано. Не хочу лгать самому, мнѣ не доводилось читать въ книгахъ насчетъ Хивы, а вотъ насчетъ Цареграда самъ читалъ; у меня даже и списокъ есть насчетъ Цареграда и насчетъ антихриста; хочешь, покажу?»

— Сдѣлай одолженіе, очень радъ!—отвѣтилъ я.

— «Изволь!» сказалъ старикъ, и съ этимъ словомъ онъ выдвинулъ изъ стола ящикъ и досталъ оттуда засаленную и крѣпко потертую тетрадку, писанную уставомъ и довольно безграмотно. Порывшись въ тетрадкѣ, старикъ указалъ мнѣ на одну страницу и пригласилъ прочесть. Я прочелъ слѣдующее: «Антихристъ титанъ преисподней, и нарицаетъ себѣ имя по врейски авадонъ, поиланиски (поэллински?) аполонъ, а погречески понотартъ, а порасейски антихристъ, возжетъ огнь неугасимый, проліетъ кровь яко воду... никакія силы его одолѣти не могутъ, только его угонятъ войско казаки, урядою брадатые, съ крестами, а Царьградъ будетъ взятъ тремя царями... и останется единъ царь, именемъ Константинъ... Книга Максима Грека: когда русскій народъ турковъ побѣдятъ и Царьградомъ начнутъ владѣти, тогда антихристъ явится въ самое взятіе Цареграда...»

— «Ну, что—вѣрно?» спросилъ меня старикъ, когда я кончилъ чтеніе.

— Вѣрно-то, вѣрно,—замѣтилъ я, — да вѣдь здѣсь только насчетъ Царяграда, а о Хивѣ ни слова. —

— «Спору нѣтъ», возразилъ старикъ, «о Хивѣ тутъ не сказано; да, вѣдь, я тебѣ и давича сказалъ, что самъ я насчетъ ея нигдѣ не читалъ; только въ томъ могу завѣрить, что у насъ отъ предковъ идетъ, что какъ-де завоюютъ Хиву, такъ кругомъ свѣта пойдутъ въ Ерусалимъ, гдѣ гробъ Господень, а изъ Ерусалима опять же кругомъ свѣта пойдутъ въ Царьградъ; а какъ только Царьградъ возьмутъ, такъ и шабашъ: міру—конецъ! Это ужь, сударь мой, вѣрно, вѣрнѣе смерти. Жаль, ка-

сатикъ, что Яковъ Михайлычъ Тарасовъ умеръ: онъ довелъ бы тебя насчетъ этой статьи до тонкости».

— А кто такой былъ Яковъ Михайлычъ?—спросилъ я разсказчика.

— «Какъ кто такой? Неушто-ль ты не зналъ его? Хорошъ же гусь, нечего сказать!» замѣтилъ старикъ не безъ ироніи, затѣмъ продолжалъ: «Да вѣдь Якова Михайловича Тарасова все обчество наше знало; да что обчество!—ребятишки-то градскіе, чай, всѣ знали его. Онъ жилъ въ Новоселкахъ и славныя удочки дѣлалъ, не хуже аглицкихъ; може статься, и ты, когда мальчуганомъ былъ. покупывалъ у него удочки, припомни-ка?»

Я отрицательно покачалъ головой. Старикъ съ досады махнулъ рукой и потомъ заговорилъ: «Вы всѣ таковы, не въ обиду будь сказано. Къ примѣру, какого-нибудь балалаечника, скоморошника изъ нашего брата вы знаете, а такихъ людей, каковъ былъ покойный Яковъ Михайлычъ, не знаете; да вѣдь это, батенька, былъ столпъ старой вѣры! Это былъ такой грамотей, такой начетчикъ, какихъ еще свѣтъ не видывалъ: онъ всѣ книги сколько ихъ ни есть въ Расеѣ, и рукописныя и печатованныя,—дай ему Богъ царство небесное,—всѣ отъ доски до доски прочелъ, и по тому самому ни одинъ церковный священникъ, ни одинъ благочинный спорить съ нимъ не могли; всѣхъ ихъ Тарасовъ побѣждалъ, всѣхъ значитъ сильнѣе былъ насчетъ божественнаго писанія и насчетъ всего, что касается до креста, до семипросфорія, до аллилуія и проч. такого; одно слово, покойникъ Тарасовъ всю подноготную зналъ; отъ него-то, братецъ мой, я своими ушами слышалъ, что Хиву до поры до времени взять нельзя. Въ тотъ разъ, какъ прошла молва о хивинскомъ походѣ, къ Тарасову гурьбой повалилъ народъ узнать, правда ли это и чего нужно ожидать отъ похода. Насчетъ того, будетъ ли походъ или нѣтъ—Тарасовъ прямо говорилъ, что не знаетъ и что знать этого не можетъ: «не святъ-де духъ»; а насчетъ того, удаченъ ли, счастливъ ли будетъ походъ, прямо такъ и рѣзалъ: нѣтъ! Или: «пойдутъ, да не дойдутъ»—говорилъ Тарасовъ; или пойдутъ, да не воротятся; потому, говорилъ Яковъ Михайлычъ, что «время еще не приспѣло». Оно такъ и вышло» замѣтилъ разсказчикъ,—пошли и не дошли! Послѣ уже, когда походъ формально обозначился, продолжалъ старикъ, начальство, должно полагать, запретило Тарасову говорить правду, и онъ скрытничалъ. Къ примѣру, придетъ къ нему какая-нибудь старушка, заливается слезами: знамо, сына иль бо внука вьюноша снаряжаетъ въ походъ, спроситъ какъ и что, а Тарасовъ только и скажетъ: «Молись, молись, касатушка: безъ воли божіей и волосъ съ головы не упадетъ; Господь поможетъ—единъ побіетъ тысящу, а тысяща побіетъ тьму!» Это ужь онъ говорилъ такъ только, чтобы успокоить народъ, а потихоньку-то, межъ близкими людьми, прямо рѣзалъ, что не будетъ удачи».

— Да Тарасовъ могъ и сболтать, наобумъ сказать!—замѣтилъ я.

—«Нѣтъ, касатикъ, не грѣши!» сказалъ старикъ съ жаромъ: «Тарасовъ не такой былъ человѣкъ, чтобы болтать и наобумъ говорить; одно слово, человѣкъ онъ былъ испытанный: о чемъ и когда онъ ни предсказывалъ, ничто, сударь мой, во ложь не оставалось. Къ примѣру; лѣтъ за десять до хивинскаго похода, была война у нашего царя съ Туркомъ; армія наша зашла въ Туречину; вездѣ, на каждомъ, значитъ, шагу била и гнала турскую армію и подошла близехонько къ самому Царюграду. По газетамъ слышно было, что стоитъ наша армія отъ Царяграда близехонько, всего въ какихъ-нибудь 30 иль бо въ 40 верстахъ. Чиновники наши, что газеты читаютъ, бывало говорятъ намъ, что не нынѣ-завтра армія наша вступитъ въ Царьградъ; а Тарасовъ, царство ему небесное! говорилъ напротивъ, то-ись, что этого быть не можетъ, что время еще не приспѣло: «Наплюйте мнѣ въ глаза», говорилъ онъ, «если когда наши возьмутъ Царьградъ!»— Да вѣдь наши уже близко отъ Царьграда! — говорятъ Тарасову. «Нужды нѣтъ что близко», отвѣтитъ на это Тарасовъ; «и ближе будутъ, а все-таки не возьмутъ; и подъ стѣнами постоятъ, и все-таки вернутся вспять!» Оно такъ и случилось, замѣтилъ старикъ: прошло сколько-то времени, слышимъ: замиренье съ туркомъ; армія наша вернулась домой и Царяграда не видала... Иль-бо вотъ что еще скажу насчетъ Царяграда же», продолжалъ разсказчикъ послѣ небольшаго перерыва нашей бесѣды: «Предъ тѣмъ какъ быть войнѣ подъ Севастополемъ, наши пошли за Дунай, въ Туречину значитъ, и хлестко было пошли, надо отдать справедливость: вездѣ били турка. Всѣ думали, что туркамъ капутъ пришелъ, что Царьградъ будетъ за нами; а Тарасовъ—царство ему небесное!—покачивалъ только головой да поговаривалъ: «время не приспѣло, время не приспѣло, братцы!»—Оно такъ и вышло: наши подошли еще только подъ Селистру—это такая крѣпость турецкая, пояснилъ разсказчикъ,—да, подошли, говорю, наши только еще подъ Селистру, какъ, слышимъ, за турка вступились французъ и англичанинъ да, не говоря дурнаго слова, вломились къ намъ въ Расею то-ись, подъ Севастополь; турокъ-то, подлецъ, и остался въ сторонѣ и до сихъ поръ владѣетъ Царьградомъ. Значитъ, правду сказалъ покойный Яковъ Михайлычъ, что время не приспѣло. Да-съ, это такъ! Хоть не меня, другихъ кого спроси, и всякъ скажетъ тебѣ тоже, то-ись, что Яковъ Михалычъ зря, наобумъ, никогда не болталъ, а всякое его слово попадало въ точку. Вотъ хоть бы насчетъ все той же Хивы: если когда по-твоему Тарасовъ наобумъ говорилъ, то разсуди на милость, съ чегожь взяли сами хивинцы говорить тѣ же рѣчи, то-ись, что для Хивы время не приспѣло; значитъ, и у нихъ въ книгахъ написано».

— Когдажь и кому хивинцы объ этомъ говорили?—спросилъ я разсказчика.

— « А вотъ когда», сказалъ старикъ. «Когда Василій Алексѣевичъ Перовскій задумалъ идти на Хиву, то приказалъ задержать всѣхъ хивинскихъ купцовъ, кои пришли въ ту пору изъ Хивы въ Оренбургъ съ караванами. Не помѣстно ли было въ Оренбургѣ, или по чему другому, не умѣю тебѣ сказать, а только то извѣстно, что большую партію хивинцевъ пригнали изъ Оренбурга къ намъ, въ Уральскъ, и размѣстили въ солдатскихъ казармахъ. Караулъ къ нимъ приставили изъ нашихъ казаковъ, словно будто бы къ плѣнникамъ. Хорошо. Хивинцы сильно пріуныли, да и нельзя было не пріунынть: до кого ни коснись, своя рубаха къ тѣлу ближе. Хорошо. Надзоръ за хивинцами былъ не такой, какой бываетъ за настоящими арестантами: не ковали ихъ, не запирали въ секретныя; пускали ихъ на базаръ за покупками и къ нимъ слободно допускали желающихъ, къ примѣру, татаръ-купцовъ, киргизовъ и др. Такимъ манеромъ добыли они отъ своей братіи басурмановъ какую-то книгу и вычитали въ ней, что для Хивы время не приспѣло; вычитали это, сударь мой, и совершенно переродились. Дотолева были унылы, печальны, неговорливы, а тутъ повеселѣли, собаки, словно бы и не въ плѣну сидятъ: и откуда взялись рѣчи, пошли сказки, смѣхи да хихи; одно слово, переродились хивинцы, будто и не въ плѣну, будто не до нихъ касается. Дѣло, замѣть, было въ серединѣ зимы: Перовскій былъ уже далеко въ степи. Отъ Василія Алексѣевича часто приходили въ Уральскъ письма къ Матвѣю Львовичу [1], нашему атаману, что въ отрядѣ-де все обстоитъ благополучно; что отрядъ-де подвигается впередъ. Въ ту пору сложили у насъ въ отрядѣ пѣсню и прислали списокъ съ нея въ Уральскъ; въ этой пѣснѣ были такія слова:

«Славно, братцы, пришло время!
Мы идемъ все на Хиву;
Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу»...

и прочее такое, все пасчетъ того, что русскіе скоро, скоро зададутъ хивинцамъ перц-аз-ра. Хорошо, слушай. Родственникъ мой, урядникъ Чапуринъ, все время находился въ карауле при хивинцахъ, покуда они содержались у насъ въ городѣ. Вотъ онъ-то, этотъ самый Чапуринъ, и пересказывалъ хивинцамъ, что слышно было изъ отряда; знамо дѣло, говорилъ и про пѣсню, переводилъ слова ея хивинцамъ, а они, мошенники, и въ усъ не дуютъ: подсмѣиваются и подшучиваютъ. «Спору нѣтъ», говоритъ однажды старый хивинецъ Чапурину: «русскіе люди храбрые, може всѣхъ храбрѣе и войничѣе (воинственнѣе), особенно вы, джаикъ-урусы (то-ись мы, уральскіе казаки, пояснилъ разказчикъ), а нашей Хивы все-таки не видать вамъ, какъ ушей своихъ: время еще не приспѣло! Хоша вашъ Перовскій и смѣло пошелъ на Хиву», говоритъ хивинецъ, «однако не на добро: иль бо къ нашимъ въ руки попадетъ и одну ча-

[1] М. Л. Кожевниковъ, бывшій въ это время уральскимъ атаманомъ. Нѣкоторыя изъ писемъ къ нему Перовскаго напечатаны въ Уральскихъ войсков. вѣдомостяхъ за 1869 г., № 17.

шу съ Бекичемъ испіетъ, иль бо испугается и съ полпути вернется назадъ». Оно такъ и вышло,—замѣтилъ старикъ и потомъ продолжалъ: «Хоша нашему брату и прискорбно слышать такія рѣчи отъ поганыхъ хивинцевъ, а все-таки супротивъ этого ничего не подѣлаешь: что правда, то правда! А всего важнѣе, сударь мой, та вещь, что хивинцы почитай слово въ слово говорили то же, что говорилъ и нашъ Яковъ Михайлычъ Тарасовъ. Выходитъ: Хива—страна подъ заклятьемъ: до поры, до времени покорить ее никоимъ манеромъ нельзя. Такъ что ли?» спросилъ меня старикъ, слегка дотрогиваясь до моего плеча и глядя прямо на меня съ видомъ увѣренности, не допускавшимъ никакого возраженія.

— Должно быть, такъ;—отвѣтилъ я, кивнувъ головой.

— «Истинно такъ!» сказалъ старикъ и потомъ прибавилъ: «Ну-съ, теперь пойдетъ рѣчь о самомъ походѣ. Слушай». И старикъ началъ: «Въ походъ мы, то-ись уральцы, выступили съ нашей низовой линіи, изъ Калмыковской крѣпости; а Перовскій съ солдатами, башкирцами, оренбургскими казаками и со всей своей свитой, вышелъ другой дорогой, изъ Оренбурга [1]. Сошлись мы съ Перовскимъ, если когда не ошибаюсь, у Темиръ рѣки. Хорошо. Насъ, уральцевъ, было два полка: одинъ, № 4, что отъ наслѣдникова года остался, а другой, № 5, вновь снаряженъ былъ собственно для этой оказіи. Этотъ полкъ набранъ былъ изъ форфощиковъ, то-ись изъ линейныхъ казаковъ. Знамо дѣло, выбирали казаковъ самыхъ лучшихъ и на самыхъ лучшихъ лошадяхъ. Хорошо. Мѣсяца за два иль бо за три до похода велѣно было намъ откармливать лошадей какъ наивозможно лучше, и мы откормили,—и все это, касатикъ, на свой счетъ: на то, значитъ и казаки! Сами не ѣли, а лошадушекъ кормили—кто овсомъ, кто мѣсевомъ, кто печенымъ хлѣбомъ. Печеный хлѣбъ больно пользителенъ для лошади, — пояснилъ старикъ: съ него лошадь больше дюжитъ; хотя тѣломъ послѣ и спадетъ, однако мозгами въ костяхъ сильна бываетъ. По эвтой причинѣ каждый казакъ и заботился о лошади пуще незнай чего, послѣднее втравлялъ въ лошадку. Знамо дѣло, походъ походомъ, что и толковать, а свои души берегли. Знаешь поговорку старыхъ казаковъ: конь подо мной, то и Богъ надо мной?! Хорошо. Одѣяніе себѣ подѣлали сами же, по своему вкусу, кто какое хотѣлъ и какое считалъ удобнымъ и пользительнымъ для своего тѣла. Насчетъ этого, спасибо Перовскому! (прибавилъ разсказчикъ)—предоставилъ, значитъ, намъ на изволящаго, и хорошо сдѣлалъ: по нашей милости, безъ похвальбы скажу, и воротился изъ похода цѣлъ; а сдѣлай иначе, къ примѣру—вели одѣться намъ по настоящей формѣ, какъ солдатушекъ одѣвали,—ну и шабашъ: пиши про-

---

[1] Перовскій выѣхалъ въ походъ 18 ноября, какъ это видно изъ его письма къ Булгакову отъ 17 ноября 1839 г.: «Наконецъ вотъ мы и въ походѣ!» Весь отрядъ нашъ уже двинулся, а я остаюсь только затѣмъ, чтобы написать нѣсколько писемъ и завтра тоже «уѣзжаю» и проч. (Р. Архивъ, 1878 г., кн. 2, стр. 383.

пали! перемерзли бы мы, перехворали всѣ до единаго; тогда не съ кѣмъ бы и вернуться Перовскому восвояси».

— А что, развѣ солдаты плохо были одѣты? спросилъ я разсказчика.

— «Плохо-то, пожалуй, не плохо, а какъ слѣдуетъ по-солдатски, да только не по-походному, не по-зимнему», сказалъ старикъ: Къ примѣру, обнаковенная солдатская шинель, а подъ ней джибажинная короткая шубка (полушубокъ), покрытая бѣлымъ холстомъ, потомъ суконныя шаровары да съ длинными голенищами сапоги; потомъ обнаковенная теплая солдатская фуражка съ ушами—вотъ и все одѣяніе, вотъ и вся защита отъ холода! Въ другихъ какихъ случаяхъ, примѣрно въ походахъ по жилымъ мѣстамъ, гдѣ есть обнаковенныя избы, конечно, ничего: хоша-бъ и плоше солдатики были одѣты, все-таки бы перенесли, потому днемъ на морозѣ, а ночью въ избѣ; иль бо ночью на морозѣ, а днемъ въ избѣ, ну, и есть, значитъ, время обсушиться, обогрѣться; а что касается Киргизской степи, да въ зимнее время, да въ лютые морозы, да въ страшнѣющіе бураны, коли и волкамъ бываетъ жутко, ну—тутъ пѣшему солдатику въ шинелькѣ да въ джибажинѣ нѣтъ ходу»!

— Ну, а вы-то какъ же одѣвались? спросилъ я собесѣдника.

— «Мы-то?»—переспросилъ старикъ и потомъ продолжалъ: «Я ужь сказалъ, что всякъ изъ насъ одѣвался по своему скусу. Къ примѣру, о себѣ скажу: первымъ дѣломъ, на мнѣ была, поверхъ рубахи, фуфаечка, стёгана на верблюжьей шерсти, такая мягонькая, а поверхъ ея новый изъ урослыхъ мерлушекъ полушубокъ, немного ниже колѣнъ, крытый черной китайкой. Это, знаешь, для корпуса, а для ногъ было вотъ что: поверхъ обнаковенныхъ штановъ другіе штаны, стеганы на верблюжьей же шерсти, верхъ китаечный, а низъ выбойчатый, тоже такія мягкія, такія теплыя, не уступятъ фуфайкѣ, а поверхъ ихъ кожаныя киргизской выдѣлки шаровары. Сапоги, знамо дѣло, огромнющіе, а онучъ пять аршинъ съ походцемъ. По сапогамъ глядя и стремена состроилъ деревянныя: это для того еще знаешь, что отъ дерева, не какъ отъ желѣза, ноги не зябнутъ. Хорошо. Полушубокъ, якобы кафтанчикъ, подпоясывалъ ремнемъ, какъ для теплоты, такъ и для ловкости. Одѣянье, самъ видишь, удобное. Но это еще, батенька, не все; этого все-таки мало. Дальше, поверхъ полушубка—саксачій тулупъ, якобы хламида какая, а поверхъ саксачьяго тулупа обнакновенная киргизская доха, изъ рыженькихъ жеребчиковъ, хоша и не красива, зато тепла. Тулупъ съ дохой тоже подтянешь другимъ поясомъ для удобности. Хорошо. На головѣ, извѣстно, баранья шапка, а поверхъ шапки, на случай бурана, башлыкъ изъ верблюжьяго сукна, да, про запасъ, еще киргизской овчины малахай, понашему треухъ. Вотъ этакъ-то я и былъ одѣтъ—иважнецъ»! заключилъстарикъ. «Такимъ же точно манеромъ», продолжалъ онъ, «и прочіе казаки позаботились о себѣ, то-ись каждый ка-

212

закъ имѣлъ и полушубокъ мѣховой съ разными мягонькими и теплень-кими фуфаечками, иль бо курточками, иль бо халатиками, и тулупъ саксачій съ дохой иль бо съ зипуномъ изъ верблюжьяго сукна, и баш-лыкъ съ треухомъ; одно слово, каждый казачекъ изъ послѣдняго лѣзъ, а одѣлъ, укуталъ себя такъ, чтобы морозъ отскакивалъ. И оттого-то мы, уральцы, какъ пошли молодцами, такъ и шли всю дорогу молод-цами, такъ и домой вернулись молодцами, то-ись ни одинъ изъ насъ не замерзъ до смерти, подобно бѣднымъ солдатикамъ»...

— А развѣ замерзали солдаты? спросилъ я разсказчика.

— «Было дѣло»! сказалъ старикъ какъ-то нехотя.

— Отчего же?

— «Чудной ты человѣкъ! спрашиваешь отчего. Сказано: одѣты были показенному, вотъ отчего! Понашему одѣть ихъ, — продолжалъ старикъ,—нельзя: дорого, казны много потребуется; опять и то: если когда одѣть ихъ понашему, то надо было бы коней подъ нихъ, а пѣ-шимъ боемъ въ нашей одеждѣ не повернешься; какъ, значитъ, ни кинь— все выходитъ клинъ! Одно слово, пѣшему солдатику въ киргизской степи зимнимъ временемъ нѣтъ ходу, объ этомъ и толковать нечего. Если когда-бъ Перовскій догадался,—разсуждалъ старикъ, набралъ насъ однихъ, то-ись, уральцевъ, за въ придачу башкиръ и киргизишковъ сколько нибудь взялъ, хотя бы для обращенія съ верблюдами, тогда-бъ дѣло-то вышло совсѣмъ иное; мѣсяца въ три, безъ похвальбы сказать, мы были бы въ Хивѣ, а хоша бы и пришлось поворотить оглобли на-задъ, но урона-бъ въ людяхъ не было. На грѣхъ, насъ-то въ ту пору было мало на Уралѣ; почесть все войско было въ раскомандировкахъ: къ примѣру, въ Москвѣ былъ полкъ, на Кавказѣ полкъ, въ Бессарабіи полкъ, въ Финляндіи полкъ, и еще кое-гдѣ по сотнѣ, по двѣ сотни. Вотъ если когда-бъ Перовскій догадался, стребовалъ всѣ наши полки въ дома да годика два далъ намъ вздохнуть, да потомъ бы ужь и со-чинилъ походъ съ нами одними, тогда-бъ было не то: что бы тамъ ни вышло, по крайности маху такого не далъ, орду поганую не насмѣ-шилъ бы; удалось ли бы побывать въ Хивѣ, нѣтъ ли—это особь статья, не къ тому и рѣчь веду: по крайности не поморозилъ бы людей, вотъ къ чему я рѣчь веду. Мы тогда же заговорили промежъ себя, какъ въ походъ собирались, что Василій Алексѣичъ напрасно беретъ съ собой солдатиковъ: съ ними связь одна! Оно такъ и вышло [1]. Правду что ли я говорю»? спросилъ меня старикъ.

Я кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ: «Помню: выходили мы изъ Калмыковской крѣпости въ обѣденную пору въ самое заговѣнье, то-ись, въ день Филиппа апостола (14 ноября). И были же тутъ проводы, и было же разставанье, на оказію! Чудное дѣло, сударь мой! Сколько на своемъ вѣку видалъ я проводовъ, сколько разъ доводилось и самому

---

[1] Слич. письмо Перовскаго къ Булгакову, отъ 14 февраля 1840 г. съ Эмбы. (Р. Архивъ, 1878 г., кн. 2, стр. 44).

оставлять родимую сторону, а ужь такихъ проводовъ сроду не видывалъ: стонъ, вой, плачъ, рыданіе со всего свѣта! Какъ теперь смотрю: схватитъ иная женщина за шею сына да такъ и замретъ, хошь водой разливай! Да что объ этомъ говорить!—не диво, что мать обнимаетъ сына; нѣтъ, сударь мой, иная мать, словно въ чаду, отъ сына къ лошади кинется, и ту обовьетъ руками вкругѣ шеи, да и повиснетъ; виситъ, да плачетъ, плачетъ, да приговариваетъ:

«Ужь конь ты нашъ сѣрый,
Конь сѣропѣгій!
Не покинь ты млада-вьюноша,
Сына мово милова.
Не дай ты взять верху надъ собой
Коню басурманина.
Вывези мово сына
На родимую сторонку.
Отплачу же я тебѣ
За то сторицею:
Подкую тебя
На серебряны подковки;
Сплету я тебѣ своими руками
Уздечку шелковую;
Покрою тебя
Попоной ковровою;
Уберу я тебѣ гриву
Въ ленты алыя.
Будешь ты у насъ стоять
Въ стойлицѣ ясеневомъ;
Будешь ты у насъ ѣсть
Бѣлоярую пшеничку;
Будешь пить
Воду ключевую,
А не то—сыту медвяную.
Голубчикъ сѣренькій,
Сѣропѣгенькій!
Не покинь мово вьюноша
Въ ордѣ басурманской».

«Причитаетъ, причитаетъ такъ-то, да и бухнется коню въ ноги, якобы къ человѣку, обхватитъ ихъ и цѣлуетъ; ноги-то, сударь, у коня цѣлуетъ; а конь—дивная вещь!—конь хоть бы что: въ другое время не точію баба, а и казакъ разиня ротъ не подходи къ нему—шарахнется и такого страху задастъ, что душа уйдетъ въ пятки, а тутъ стоитъ, родимый, смирнехонько, словно коровушка, только ушками поводитъ, какъ бы прислушивается, да слегка головой потряхиваетъ, какъ бы даетъ понять: «хорошо-де, слушаю»! да мордочкой обнюхиваетъ женщину. Тварь—тварь, а чуетъ, голубушка, что дѣло-то не тово... не на шутку затѣяно. Одно слово, разставанье было горькое! А отчего, батенька? Все оттого, что подъ Хиву пошли. Сказано: страна подъ заклятіемъ; то-ли,сёли—а дешево не обойдется,—вотъ отчего!

214

«Лагерь былъ назначенъ верстахъ въ 3-хъ отъ Яика, но казаченьки всѣ собрались туда только къ полуночи; знамо, разставанье задерживало.—Яикъ, помню, переходили по льду, а снѣга еще не было, да и морозцы въ ту пору были легкіе; но къ зарѣ, въ первую же почевку, задула, сударь мой, такая злѣющая сѣверка—носъ воротитъ! Вотъ тебѣ и разъ, думаемъ: не успѣли скрыться изъ виду отъ домовъ, а зима на встрѣчу. Тутъ пришли на умъ намъ все тѣ же солдатики; коли ужь намъ, уральцамъ, въ саксачьихъ хламидахъ жутко, то каково, думаемъ, теперь солдатикамъ въ шинелькахъ съ свѣтлыми пуговицами. Бѣда!» Старикъ потрясъ головой и потомъ продолжалъ: «Утромъ поднялись, повернулись лицомъ къ Яику, перекрестились, въ остальной разъ поклонились родной землѣ, отечеству, махнули рукой и пошли въ путь-дорогу; знамо дѣло, пошли съ пѣснями; таковъ ужь обычай, а на сѣверку смотрѣть нечего. У Темиръ рѣки, я ужь тебѣ сказывалъ, сошлись съ Перовскимъ и съ остальной ратью. Покуда мы шли къ Темиру, перепадали временемъ снѣжки порядочные, да покрайности бурановъ злѣющихъ не было; а какъ пошли дальше отъ Темира, такъ кажинный божій день зарядили бураны да бураны, отдыха нѣтъ, и откуда они, этакая вещь, взялись, даже киргизамъ на удивленье.

«Навалило снѣгу столько, что ступить нельзя: лошади по брюхо; стыдь злѣющая, словно сверломъ сверлитъ тебя. Справедливо, видно, говорится: куда русскій ни зайдетъ, а зиму съ собой непремѣнно приведетъ. Вотъ ты теперь и посуди, каковъ былъ походъ хивинскій,—одно слово, гибель!» [1]

— Однако, каковъ же онъ былъ?—Разскажи-ка съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой! сказалъ я своему собесѣднику,

— «А вотъ каковъ онъ былъ, слушай». И старикъ началъ: «Лагерь стоитъ, отрядъ спитъ. Ладно. Часа въ три или въ четыре за полуночь, еще далеко до свѣта, встаетъ Ц — ій, полковникъ-ли, енералъ-ли, не помню ужь, а одно знаю, первый человѣкъ у Перовскаго, правая его рука, что называется. Объ немъ я послѣ поразскажу тебѣ, что за персона такая былъ этотъ Ц—ій, а теперь рѣчь о походѣ. Да, встаетъ, говорю, Ц—скій и зычнымъ голосомъ кричитъ: «горнистъ! труби подъемъ». Задудитъ горнистъ Ц—го на весь лагерь, и въ тотъ же мигъ подхватятъ и задудятъ прочіе горнисты; а гдѣ горнистовъ нѣтъ, тамъ барабаны забьютъ; значитъ, будетъ-де прохлаждаться, вставай! Хорошо.

---

[1] 4 января 1840 г. Перовскій, отойдя 500 верстъ отъ Оренбурга, писалъ Булгакову: «Противъ насъ зима со всѣми ея ужасами. Люди, или вѣрнѣе, киргизы не помнятъ здѣсь столь суроваго времени года, столь глубокихъ снѣговъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы вышли изъ Оренбурга, термометръ рѣдко опускался ниже 20°, былъ 33°; двое сутокъ сряду 21°, а когда бывало меньше 25°, начинались вѣтры и сильныя мятели. Самому, не испытавши, трудно понять состояніе человѣка, когда никакое одѣяніе, никакія шубы и теплая обувь не спасаютъ его отъ власти холода, когда онъ знаетъ, что завтра, чрезъ мѣсяцъ, чрезъ шесть недѣль, все будетъ тоже самое, когда при этомъ нѣтъ дровъ, чтобы согрѣться и порадоваться на огонекъ въ эти долгія, нескончаемыя ночи» (Р. Архив. 1878, кн. 2, стр. 39).

Всѣ, значитъ, пробуждаются, всѣ встаютъ, всѣ волей неволей вылѣзаютъ изъ джуламеекъ и начинаютъ убираться на походъ: киргизы и башкиры вьючатъ верблюдовъ; нашъ братъ имъ помогаетъ, вытягиваютъ верблюдовъ въ линіи, по нашему въ нитки; примѣрно, одна нитка съ овсомъ, другая съ сухарями, та съ тѣмъ, эта съ этимъ. Джуламейки ломаютъ, разбираютъ и вьючатъ на верблюдовъ же. Солдатики строятся въ ряды, ротами. Нашъ братъ, казаки, становятся посотненно. Чиновники разъѣзжаютъ по лагерю, распоряжаются, даютъ приказанія. Наши ефрейторы и вахмистры мечутся туда-сюда: наряжаютъ, значитъ, кого въ боковые патрули, кого въ передній, кого въ задній «аленгардъ», кого къ кому на вѣсти, кого къ ниткамъ, кого куда. Киргизы и башкиры галдятъ, верблюды ревутъ, кони фырчатъ, колеса подъ антирелѣй скрыпятъ. Больные солдатики охаютъ, стонутъ. А буранъ свое дѣло справляетъ—вьетъ, мятетъ, завываетъ; одно слово, свѣта преставленіе! И длится эта исторія, сударь мой, часа два, а иногда и больше, а солдатики, замѣть, тѣмъ временемъ стоятъ въ рядахъ, облокотившись на ружья; стоятъ, голубчики, и дрогнутъ. Напослѣдокъ, какъ должно, уберемся. Опять горнисты задудятъ; опять въ барабаны забьютъ—значитъ ступай въ походъ! И пойдемъ въ походъ. Идемъ шагъ за шагомъ [1], батенька, по тому самому, что снѣгъ выше колѣна. Вдругъ скомандуютъ: «стой!» Остановились. Что такое? Верблюдъ повалился съ вьюкомъ и всю нитку остановилъ, разстроилъ. «Экой грѣхъ!» думаешь. Однако разсуждать некогда; надо, значитъ, верблюда развьючить, поднять, разчистить снѣгъ, чокнуть верблюда, то-ись положить его должнымъ манеромъ, потомъ снова навьючить, потомъ все въ порядокъ произвести и потомъ ужь снова идти въ путь-дорогу. Хорошо. Управились. Идемъ. И только лишь отойдемъ сколько-нибудь, глядишь: опять кричатъ: «стой!» Что такое? Опять та же, батенька, исторія, то-ись, верблюды валятся; опять, значитъ, остановка. А отчего верблюды валятся? Оттого, что снѣгъ глубокъ, а верблюдъ — скотина хлибкая, по глубокому снѣгу идти не сможетъ. Случалось не разъ, что людей высылали впередъ съ лопатами, чтобы расчищать дорожку для верблюдовъ, а скоро ли такое дѣло? Такимъ манеромъ отрядъ подвигался шагъ за шагомъ, и почти на каждомъ шагу остановка; а каждая остановка, батенька, доставалась солдатикамъ съ сокомъ. Къ примѣру, идетъ солдатикъ съ ранцемъ за спиной да съ ружьецомъ въ рукахъ, идетъ, версты двѣ мѣситъ снѣгъ, а онъ выше колѣнъ; дергаетъ, дергаетъ ноги, устанетъ, вспотѣетъ, взмылится, а тутъ вдругъ остановка. Покуда поправляютъ верблюдовъ, покуда ждутъ, какъ разчистятъ впереди дорожку, тѣмъ временемъ солдатикъ стоитъ и стынетъ на вѣтру и на морозѣ, да такъ иной бѣдняжка застынетъ, закоченѣетъ, что опосля съ мѣста тронуться не можетъ — сажай тогда его на верблюда въ

[1] Мы подвигаемся впередъ, хотя черепашьимъ шагомъ. (Изъ письма Перовскаго, отъ 4 янв. 1840 г.).

зыбку. Для этого особенно были назначены верблюды (пояснилъ разсказчикъ); на нихъ съ боковъ привѣшены были такія мѣстечки, вродѣ зыбокъ; въ нихъ то и грузили солдатиковъ. Опять и зыбка не въ спасеніе, замѣтилъ старикъ: покуда отрядъ идетъ, покуда на стоянку придетъ, тѣмъ временемъ солдатикъ, сидя въ зыбкѣ безъ движенья, еще больше закоченѣетъ. Это я тебѣ не лгу: я самъ часто бывалъ въ нарядѣ при верблюдахъ съ зыбками. Бывало какъ придешь на стоянку, такъ нѣсколько зыбочныхъ солдатиковъ своими руками примешь съ зыбки, словно дѣтей, да прямо въ лазаретъ и отнесешь: значитъ, отжили свой вѣкъ. Просто, безъ смерти смерть!» [1] «Часа за два, за три до сумерекъ»,—продолжалъ старикъ, «отрядъ остановится на ночлегъ. Хорошо. Хорошо, да не больно! Солдатики и безъ того измучились, перезябли, а тутъ еще надо разчищать снѣгъ, надо ставить джуламейку (на 25 человѣкъ полагалась одна джуламейка); надо. пуще всего, добыть дровъ, то-ись набрать изъ-подъ снѣга кой-какой травки, кой-какихъ корешковъ, чтобы развести огонь и обогрѣться; а скоро-ли все это сдѣлаешь!? Солдатики народъ непривычный, къ этому дѣлу несручный, а снѣгъ, тебѣ ужь сказано, снѣгъ выше колѣнъ, чуть не по поясъ, сверху зачерешѣлъ, а трава рѣдкая, скоро-ли наберешь ее!? А хошa и наберешь сколько нибудь, надо первымъ долгомъ разжечь, а она промерзла, обледенѣла, не повинуется, мошенница, не горитъ, только курится; только, значитъ, дымъ одинъ даетъ, а дымъ, извѣстно, глаза только ѣстъ, не грѣетъ... А морозъ, буранъ свое дѣло справляютъ, жмутъ и до костей пронимаютъ. Случалось, батенька, такъ: покуда ставятъ джуламейку, покуда раздобудутся огнемъ, тѣмъ временемъ, глядишь, иной солдатикъ какъ упрется объ ружье, такъ и закоченѣетъ: неси, значитъ, въ лазаретъ. Выходитъ: стоянка не лучше похода. И такъ-ли, сякъ-ли,—поставятъ, однако, джуламейку; залѣзутъ въ нее солдатики, да не всѣ: инымъ, кто подъ очередью, надо идти на часы къ бунтамъ, ну и пропалъ солдатикъ! Не бѣда идти на часы изъ теплой избы или караулки, а съ часовъ въ избу: по крайности, послѣ часовъ есть гдѣ обогрѣться; джуламейка же, сударь мой, не изба, особенно за полночь, когда ужь въ ней не точію огня, а и золы-то, и дыму-то нѣтъ: что на дворѣ, то и въ ней... Стоя на часахъ, солдатикъ передрогнетъ, закоченѣетъ, а послѣ смѣны и обогрѣться негдѣ; ну и пропалъ. Не разъ, батенька, случалось, что солдатики на часахъ до смерти замерзали, особенно послѣ того случая, какъ одного часоваго разстрѣляли.

---

1 «Меня ждетъ впереди еще великое испытаніе: между нами сказать, пѣхота моя отнюдь не въ добромъ здоровьѣ. Мнѣ удалось предохранить ее отъ замораживанія; но это люди, никогда не покидавшіе своей земли, не видавшіе бивака даже въ мирное время, и я никакъ не могъ сдѣлать, чтобы они были выносливѣе Таково уже свойство моей пѣхоты, что она не могла вынести тяготы и стала заболѣвать». (Изъ письма Перовскаго къ Булгакову, Р. Арх. 1878 г. кн. 2, стр. 44.)

— За что-же?

— «Знамо, за что: артикулъ не соблюлъ, то-исъ часы бросилъ».

— Какъ же такъ?

— «А вотъ какъ. Слушай. Поставятъ солдатика на часы, къ примѣру, на часъ времени, а онъ и полчаса не вытерпитъ, кричитъ смѣну, а смѣна якобы не слышитъ. Дѣло извѣстное: и ефреторъ, и солдатики очередные—люди же, кой-какъ пригрѣлись, не хочется, значитъ, прежь времени вылѣзать изъ джуламейки и идти на буранъ; по этой самой причинѣ пришипятся, яко-бы спятъ, не слышатъ. Солдатикъ часовой кричитъ, кричитъ смѣну, не докричится, и самъ пойдетъ въ джуламейку будить ефретора. Ладно. Случалось это не разъ, не два, все сходило съ рукъ. Ближніе начальники, къ примѣру, ротный командиръ или кто другой тамъ, тоже статься, и видѣли, да сквозь пальцы смотрѣли; дѣло извѣстное: по человѣчеству смотрѣли. Ладно. Но вотъ какъ-то разъ, во время злѣющаго бурана, одинъ бѣдный солдатъ продрогъ донельзя, до самаго, что называется, мозга и потерялъ разсудокъ; бросилъ, гдѣ стоялъ, ружье и побрелъ, куда глаза глядятъ, то-исъ, правду надо сказать, не куда глаза глядятъ, а куда буранъ погналъ. Какъ шальной, въ забывчивости, солдатикъ изъ лагеря вонъ вышелъ, не попалъ, значитъ, ни на одну джуламейку и очутился въ степи, а буранъ, словно овцу, гонитъ его да гонитъ и пригналъ на цѣпь, а цѣпь завсегда занимали мы, уральцы. Попадись онъ намъ однимъ, глядишь бы, мы, може статься, отогрѣли его своими тулупами да отвезли на то мѣсто, откуда онъ ушелъ; глядишь бы, дѣло-то уладилось. Но на бѣду солдатика, случился въ ту пору на цѣпи Ц—ій съ конвоемъ: повѣрялъ, значитъ, цѣпь. Увидамши, солдатика, Ц—ій и запіялъ и велѣлъ взять солдатика подъ арестъ и представить въ лагерь, Заутра, слышимъ, судъ нарядили надъ солдатикомъ; велѣно осудить въ 24 часа, яко измѣнника; а солдатикъ, говорили, и отвѣтовъ никакихъ дать не можетъ, потому сказано, что разсудокъ потерялъ, сначала отъ мороза, а послѣ отъ испуга. Однако судъ ни на что не посмотрѣлъ—на то онъ и судъ—и присудилъ солдатика къ разстрѣлу. Ложь-ли, правда-ли, говорили, яко бы Перовскій не хотѣлъ разстрѣливать долго не подписывалъ конфирмацію, да Ц—ій настоялъ; «для примѣра, говоритъ, безпремѣнно нужно разстрѣлять!» И разстрѣляли солдатика [1]. Я не былъ у разстрѣла, признаться—совѣсть зазрила... Послѣ того всѣмъ и каждому подтвердили, что если когда кто оставитъ часы, тотъ будетъ разстрѣленъ, яко измѣнникъ. «Умри, говорятъ, на часахъ, а дальше указанной черты шагу не смѣй сдѣлать!» И точно,

[1] Перовскій иногда прибѣгалъ и къ болѣе строгимъ мѣрамъ; такъ, онъ разстрѣлялъ двухъ сыновей сопровождавшаго его муллы за то, что послѣдній вышелъ изъ повиновенія, и только когда вывели подъ ружейные выстрѣлы третьяго его сына, мулла—старикъ повалился въ ноги и исполнилъ все, что было нужно. Когда въ пѣхотѣ начался ропотъ и нѣчто въ родѣ мятежа, Перовскій вызвалъ впередъ одного изъ зачинщиковъ, приказалъ вырыть могилу, въ присутствіи остальныхъ похоронить его живаго и отпѣть панихиду; послѣ этого не было и малѣйшихъ попытокъ непослушанія. (Русс. Архивъ 1878 г. кн. 2, стр. 315).

прибавилъ старикъ: съ того самаго разу словно рукой сняло: ни одинъ солдатикъ часовъ не бросалъ, зато ужь рѣдкая ночь проходила безъ того, чтобы гдѣ нибудь не замерзъ солдатикъ до смерти. Бѣда!!»

Старикъ сдѣлалъ плачевную гримасу и потомъ продолжалъ: «Бывало, стоишь на часахъ на цѣпи (насъ, братецъ мой, всегда на цѣпь становили, саженяхъ ста въ два отъ колонны, да на маячные пикеты, версты за двѣ иль бо за три отъ колонны, а солдатъ разставляли по карею), стоишь бывало на цѣпи и въ ину пору по вѣтру слышишь: «смѣ-ѣ-ѣ-ну! Смѣ-ѣ-ѣ-ну! Заме-о-о-о-рзъ! Заме-о-о-о-рзъ» Это солдатикъ на часахъ кричитъ. Кричитъ, кричитъ, голубчикъ; тянетъ, тянетъ сердечный, сначала внятно, а потомъ все тише да тише, а подъ конецъ совсѣмъ смолкнетъ... Мы ужь знаемъ, что это значитъ; это, сударь мой, значитъ: солдатикъ, повыбимшись изъ силъ... Эхъ, да что объ этомъ толковать! Сказано: гибель была на солдатиковъ, и все тутъ»! Старикъ махнулъ при этомъ рукой и замолчалъ; видно, грустныя картины промелькнули въ его головѣ. Немного спустя, онъ заговорилъ: «Ложь-ли, правда-ли, была въ народѣ молва, сударь мой, въ такомъ смыслѣ: когда-де Василій Алексѣичъ собирался въ походъ и уговаривался насчетъ его въ Питерѣ съ царемъ, то батюшка-царь яко бы говорилъ Перовскому: «Нужно ли тебѣ, Василій Алексѣичъ, забирать съ собой солдатиковъ: вынесутъ ли они зимній походъ;—не лучше ли обойтись одними уральцами»? На это яко бы Перовскій представилъ царю такой резонъ: «Насчетъ этой статьи не извольте безпокоиться, ваше величество! Есть у меня такой чиновникъ, Ц—ій прозывается, больно дошлый человѣкъ,-степной, что называется, ходатель: онъ съумѣетъ обрядить солдатиковъ такъ, что они и не почуютъ зимняго похода!» Что правда, то правда! замѣтилъ иронически разсказчикъ. Еще бы не съумѣть обрядить солдатиковъ; мудрости тутъ особой нѣтъ: всякій это сможетъ сдѣлать, даже и не степной ходатель. Къ примѣру, джибажинка обойдется въ рубль, а въ казну можно показать въ два. Чего еще лучше! Ну, а насъ, тоись, уральцевъ обряживать нельзя: мы люди не казенные, а собственные; мы сами себя обряжаемъ. Вотъ по этой самой причинѣ, може статься, и нельзя было обойтись безъ солдатовъ»!

Старикъ зло улыбнулся, взглянулъ на меня и потомъ прибавилъ: «Мы хорошо знаемъ, кто таковъ былъ Ц—ій, степной ходатель! Онъ, чай, и Перовскаго-то обморочилъ. Ходатель-то степной онъ ходатель, спору нѣтъ, да кромѣ того ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ прочихъ чиновниковъ, что при Васильѣ Алексѣичѣ были. Одно только было за нимъ художество: падокъ былъ на побои. Бывало за всякую малость лупитъ нашего брата и всякаго, кто у него подъ командой: лупитъ, сударь мой, нагайками не на животъ, а на смерть. Насчетъ этого Ц—ій,—не тѣмъ будь помянутъ!—сущій звѣрь былъ. Онъ и Перовскаго-то подбилъ, я ужь тебѣ сказывалъ, чтобы разстрѣлять солдатика, что съ часовъ ушелъ; одно слово, звѣрь былъ, а не человѣкъ.

Зато и кончину получилъ звѣрскую: подъ старость жилъ онъ на спокоѣ въ своей деревнѣ, и тамъ уходилъ его какой-то изъ халуевъ: въ окно изъ ружьл всадилъ ему пулю въ лобъ. Такъ-то вотъ»! проговорилъ старикъ и сдѣлалъ головою такое движеніе, которое въ переводѣ означало: «По дѣломъ-де»!..

— Ну, а васъ-то, уральцевъ, какъ Богъ правилъ? спросилъ я разказчика.

— «Кривую стрѣлу Богъ правитъ, батенька»! сказалъ старикъ и самодовольно засмѣялся. «Надъ нами смѣются, къ примѣру, иногородные чиновники, кущцы и всякій людъ расейскій; называютъ насъ кошомнымъ войскомъ. Что правда, то правда, противъ этого и спорить нельзя. Самъ знаешь, коли мы собираемся въ степные походы, то всякой всячиной запасаемся, примѣрно—и кошмами, и тулупами, кошомными сапогами; ничѣмъ, батенька, не брезгуемъ, а главное, на щегольство не смотримъ; оно хоть съ виду-то неказисто, не по образцу. зато тепло, уютно, въ этомъ и дѣло-то все! Кошомное ли войско, не кошомное ли, все единственно: главная статья—теплое, не мерзлое войско. Вотъ хоть бы и въ тотъ разъ, какъ подъ Хиву пошли. Ты ужь знаешь, какъ мы были одѣты,—сортъ! Слушай теперича и смекай: може, самому доведется быть въ степяхъ зимой. Сидишь бывало на лошади, ѣдешь. Какъ ни укутанъ ты, а морозъ мало-по-малу пробираетъ; чувствуешь это, и сейчасъ съ коня долой. Идешь пѣшкомъ, коня ведешь въ поводу. Пройдешь сколько нибудь шаговъ, чувствуешь, что нагрѣваешься; тутъ ужь бойся, какъ бы не взопрѣть. Сейчасъ остановишься, тулупъ съ зипуномъ долой, перекинешь черезъ сѣдло; останешься въ одномъ короткомъ полушубкѣ; опять идешь. чувствуешь, холодъ сильнѣе пробираетъ въ полушубкѣ — ничего: прибавишь шагу. нагрѣваешься. Идешь, а самъ, какъ воръ, смотришь по сторонамъ. нѣтъ ли гдѣ чего пользительнаго. Видишь—торчитъ изъ подъ снѣга кустикъ травы: «а, тебя-то и нужно, голубчикъ»! скажешь кустику и сейчасъ къ нему; разгребешь ногами снѣгъ, сорвешь кустикъ, тонкія вѣточки обломаешь и сунешь въ ротъ лошади; та, разумѣется, рада, въ одинъ мигъ схватитъ и съѣстъ; такъ и ржетъ, такъ морду къ тебѣ и суетъ. словно цѣловаться хочетъ; а что покрѣпче, потолще, примѣрно, стебельки, корешки, это свяжешь въ пучекъ, да и въ торока: значитъ, на дрова. Тѣмъ временемъ, покуда роешься у куста, тѣмъ временемъ и лошадка не дремлетъ: разгребаетъ копытами снѣгъ и рветъ травку, какую найдетъ. Пройдешь такимъ манеромъ съ версту, нагрѣешься, опять въ хламиду и опять на лошадь; а тамъ, какъ почуешь морозъ, опять долой съ лошади, и опять за то же. Такимъ побытомъ всю дорогу, отъ лагеря до лагеря, въ занятьѣ: то себя грѣешь, то дровами запасаешься, то лошадкѣ даешь вольготу и случай пощипать травки. дѣло-то и выходитъ важнецъ! Придешь теперь на стоянку, смотришь: почитай у каждаго товарища въ торокахъ пучекъ травы, а у иного

220

цѣлое беремя: чего еще надо? Значитъ, на первый разъ дрова есть; значитъ, есть чѣмъ кашу сварить, есть около чего погрѣться. Сейчасъ хламиды долой. Что хламиды? Полушубки-то и тѣ долой; останемся въ однихъ халатикахъ или курточкахъ, схватимъ лопаты, и работа закипитъ; только паръ отъ насъ валитъ, словно въ жару на багреньѣ. Буранъ ли тамъ, морозъ ли, намъ дѣла нѣтъ, наплевать! Мы знаемъ, что черезъ двѣ-три минуты будетъ у насъ защита. И точно, не успѣетъ, какъ говорится, дѣвка стриженой косы заплести, а у насъ готова джуламейка, у насъ горитъ — пылаетъ костеръ, что твоя люминація, еще лучше! Вотъ тебѣ и кошомное войско».

Старикъ самодовольно улыбнулся. Потомъ продолжалъ: «У насъ вездѣ и во всемъ споровка. Къ примѣру, мнѣ очередь въ караулъ, положимъ, на цѣпь иль бо въ табунъ верблюжій: значитъ, сражаться съ бураномъ и морозомъ; въ такомъ случаѣ товарищи мои, хоша бы я и желалъ, ни въ жисть не допустятъ меня ни до какой работы, чтобы я не утомился и, пуще всего, не взопрѣлъ: буранъ и морозъ сейчасъ пронижутъ того человѣка, который взопрѣетъ. Пока разчищаютъ снѣгъ и уставляютъ джуламейку, ты стой или расхаживай, яко начальникъ какой; а какъ разведутъ огонь, ты садись къ нему ближе, сиди словно невѣста и грѣйся, чтобы послѣ супротивъ бурана не одрефить. Тоже и на счетъ пищи. Къ примѣру, кому въ нынѣшнюю ночь въ караулъ, того товарищи накормятъ, что называется по горлышко: любой кусочекъ мясца ему подсунутъ, себя обдѣлятъ. А для чего? Для того, батенька, что часоваго съ сытымъ брюхомъ и морозъ уважаетъ, не такъ ужь донимаетъ, какъ голоднаго: не сможетъ, значитъ. А вотъ насчетъ солдатиковъ нельзя этого сказать, продолжалъ старикъ: всякъ думалъ о самомъ себѣ. Да что солдатики? Оренбургскіе казаки, что въ походѣ были, и тѣ въ этомъ случаѣ не лучше солдатиковъ. Къ примѣру, варятъ кашу въ одномъ котлѣ артелью, а мясо порознь, то-исть, каждый казакъ привяжетъ къ своему куску кто нитку, кто мочалку; а послѣ, когда дѣло дойдетъ до ѣды, поднимутъ споръ, шумъ; одинъ кричитъ: «это мой кусокъ», а другой ему въ отвѣтъ: «врешь, мой!» И грѣхъ, и смѣхъ, батенька! Право, не лгу».

— Кстати, А. Д., насчетъ пищи-то разскажи: что ѣли?

— «Насчетъ пищи ничего, отвѣтилъ старикъ: пища была сносна. Къ примѣру, каждому человѣку давали въ день по полуфунту мяса, сколько-то сухарей, крупъ; ну, а винная порція шла, кажись, по шести чаръ въ мѣсяцъ; тоже меду нѣсколько давали: медъ разводили въ горячей водѣ и пили, замѣсто чаю, передъ походомъ. На лошадей давали по 1½ гарнца овса въ сутки. Больше ничего не давали. Сперва-начала только сухарей давали очень мало, счетомъ нѣсколько сухариковъ въ сутки: берегли, значитъ; а подъ конецъ похода, когда, значитъ, стали верблюды валиться, давали вволю. Впрочемъ, сначала

похода всего давали мало, по разсчету; да мы, уральцы, на то не взирали: у насъ всего завсегда было въ волю». Старикъ улыбнулся.

— Гдѣ-жь вы брали?

— «Воровали!»

Старикъ опять улыбнулся.

— Какъ же воровали, развѣ не было караула?

— «Коли не было! Были вездѣ и у всего караулы; что про это и говорить. Да намъ что за дѣло? Вѣдь мы кошомное войско, это не забывай! Къ примѣру, въ иномъ мѣстѣ мы сами—караулъ, ну, толковать-ли? своя рука владыка. Въ другомъ мѣстѣ, положимъ, солдатъ въ карауле, да вѣдь онъ, сказано ужь, человѣкъ мерзлый, до того ли ему: у такого караульнаго не только что украсть немудрено: хоть самого то укради, и то не услышитъ. Насчетъ этого я поразскажу тебѣ забавныя исторіи, если когда угодно».

— Сдѣлай одолженіе!

— «Ну такъ слушай»!

И старикъ началъ: «Въ отрядѣ было всякихъ запасовъ вдоволь: и сухарей, и муки, и крупъ, и овса, и мяса, и сала, и меду, и капусты, и дровъ»...

— Какъ, и дрова были? прервалъ я разсказчика.

— «Были, только не про нашего брата»,—отвѣтилъ старикъ.

— Для кого-же?

— «Знамо, для кого: для Перовскаго и для большихъ чиновниковъ; вѣдь имъ не около-жь курной травы грѣться. У Перовскаго и у большихъ чиновниковъ были кибитки изъ двойныхъ кошомъ, съ желѣзными печами; для нихъ, значитъ, и нужны были дрова. Кромѣ того, и для лазарета требовались дрова. Самъ посуди: не мерзлой же и обледенѣлой травой обогрѣвать больныхъ, иль бо варить имъ лѣкарство, пищу. Вотъ для всего этого и было запасено много дровъ березовыхъ, еловыхъ и всякихъ другихъ; были и уголья. Теперь слушай. Въ отрядѣ, говорю, было всякаго добра вволю; но ничего съ залишкомъ не давали, а всего въ учетъ. Мало того, что давали въ учетъ, нѣтъ, сударь мой, приказъ по отряду послѣдовалъ въ такой силѣ: «если—когда-де кто осмѣлится что украсть изъ казеннаго интереса—къ примѣру, сухарь-ли горсть-ли овса, полѣно-ли дровъ, того къ разстрѣлу!» Легко сказать: «къ разстрѣлу!» За горсть овса къ разстрѣлу, а? Да какъ ты его не украдешь? Сказано: въ сутки отпускали на лошадь только полтора гарнца, больше ничего; сѣна не было ни клока. Замѣсто сѣна лошадка пробивалась тѣмъ, что Богъ пошлетъ ей изъ подъ снѣга; а вѣдь это, сударь мой, скудѣе скуднаго: вѣдь съ этакого корма лошадь ноги протянетъ.—Сначала мы, кошомное войско, предостереглись, то-ись, приказу послушались; а потомъ видимъ—дѣло плохо: безъ воровства не обойдешься. Разсудили мы такъ: если когда украдешь, разстрѣляютъ

222

тебя—скверно, что и толковать! Если когда не украдешь, лошадь отощаетъ, издохнетъ—опять скверно: останешься пѣшъ, словно карга съ подрѣзанными крыльями; выйдетъ безъ смерти смерть, безъ разстрѣла разстрѣлъ; одно слово, какъ ни кинь, все выходитъ клинъ. Что въ такомъ случаѣ дѣлать? Рѣшились жить воровствомъ [1]. Сначала положили воровать только одинъ овесъ гдѣ представится случай; а послѣ и до всего добрались: все на пользу, все на потребу. А воровали какъ? Слушай. Къ примѣру, приставленъ я къ ниткѣ, что съ овсомъ. Хорошо! Вдругъ упадетъ верблюдъ—это мнѣ и на руку. Другой ито, примѣрно, киргизъ бросится къ верблюду, осматриваетъ, не ушибся ли; а я кидаюсь къ кулю съ овсомъ, смотрю, не лопнулъ ли. Если лопнулъ, то, значитъ, дѣло въ шляпѣ; а если не лопнулъ, то, значитъ, какъ-нибудь изловчусь, чтобы никто не видалъ, да дерну куль ножемъ по боку, а самъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ являюсь къ дежурному и говорю: такъ и такъ, ваше благородіе, верблюдъ упалъ, куль съ овсомъ лопнулъ.—«А! скверно», скажетъ дежурный и прибавитъ: «однако, сейчасъ же пересыпать въ другой куль»!—Мнѣ это-то и нужно. «Слушаю»! скажешь да тое-же минуту и подашь товарищамъ, кто по ближности, маякъ; а тѣ знаютъ, въ чемъ дѣло, и въ одинъ мигъ, словно орлики, слетаются къ тебѣ, якобы помогать. Хороши помощники!—замѣтилъ разсказчикъ и улыбнулся. Хорошо. Сейчасъ хламиды съ себя долой и примемся изъ худаго куля пересыпать овесъ въ крѣпкій; въ рукахъ у насъ такъ и кипитъ! Дежурный смотритъ и похваливаетъ: «Ай-же, уральцы молодцы! Не заставляешь, сами являются на работу». «Рады стараться!» говоримъ, а сами проворимъ. У каждаго изъ насъ въ шароварахъ есть карманы фальшивые, то-ись, карманы безъ дна. Понимаешь, для чего? Горсточку по горсточкѣ и посовываешь въ бездонный карманъ овсеца-то, а овсецо, родимое, проваливается внизъ за голенища да вокругъ ноги обсыпается, а около кармановъ тощо, ничего не замѣтно. Еслибы какъ и заподозрѣли и вздумали обыскивать, не скоро догадаются, не скоро найдутъ,—важнецъ!» Старикъ съ самодовольствіемъ улыбнулся. „Такимъ манеромъ и поживались мы овсецомъ, да не однимъ овсецомъ поживались», продолжалъ старикъ: «всѣмъ поживались, все къ рукамъ подбирали, что могли; къ примѣру и сухарики, вѣдь и ихъ лошадка кушаетъ,—и рубленную говядину,—вѣдь и самимъ съѣсть послаще не мѣшаетъ,—и сальце, и полѣнцо дровъ, и старый овсяный кулечекъ; одно слово, ничему не давали спуску, что шло на какую-нибудь потребу».

---

[1] Свой взглядъ на разстрѣлъ Перовскій, между прочимъ, выразилъ въ письмѣ къ Булгакову, отъ 24 февраля 1853 г. «Разстрѣливанье, говоритъ онъ, есть способъ наказанія довольно мягкій для нѣкоторыхъ преступленій; тутъ дурно то, что иной разъ негодяю дается возможность разыграть изъ себя героя и похвалиться равнодушіемъ къ важной обстановкѣ смертной казни» (Р. Арх. 1878 г., кн. 2, стр. 316).

— Зачѣмъ же вамъ нуженъ былъ овсяный куль? спросилъ я старика.

— «Какъ зачѣмъ?»—возразилъ старикъ: «Чудной ты человѣкъ! Вѣдь и рогожа-то горитъ, [1] значитъ: тѣ же дрова»,—пояснилъ старикъ и потомъ продолжалъ:

„Сначала начальству было невдомекъ, чѣмъ кошомное войско пробавлялось, а потомъ обозначилось. Наше начальство, то-ись, казачье съ перваго же раза все видѣло, да, знамо дѣло, молчало, яко бы и не видало—сортъ!!! Солдатское же начальство какъ узнало, возроптало, осердилось, что уральцы всѣхъ обдуваютъ. Дознался объ этомъ и самъ Перовскій, однако промолчалъ, яко бы не знаетъ. Это нашему брату и на руку. Взяли мы послѣ того большую волю: стали воровать овесъ изъ-подъ часовъ цѣлыми кулями. Разъ пресмѣшная, сударь мой, вышла исторія: куль овса въ глазахъ часоваго убѣжалъ къ намъ въ джуламейку». Старикъ расхохотался.

— Какъ такъ? спросилъ я.

— „А вотъ какъ!» отвѣчалъ старикъ: «Джуламейка наша стояла близко къ одному бунту, такъ какихъ-нибудь въ саженяхъ десяти. Хорошо. Былъ въ ту ночь буранъ. Двое ловкихъ казака вышли изъ джуламейки и подошли къ часовому, а онъ, бѣдняжка, чуть живъ; радъ, что люди къ нему подошли: хоть есть съ кѣмъ слово сказать, есть кому пожаловаться на судьбу. Одинъ изъ казаковъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ—утѣшаетъ его, ублажаетъ, а другой тѣмъ временемъ привязалъ къ крайнему кулю за лузгъ веревку, да и пошелъ опять въ джуламейку, а веревку незамѣтно протянулъ по землѣ. Такимъ манеромъ одинъ конецъ веревки къ кулю привязанъ, а другой очутился у казаковъ въ джуламейкѣ. Хорошо. Прошло сколько-то времени, и другой казакъ ушелъ въ джуламейку. Часовой остался одинъ и сталъ расхаживать; и лишь только часовой обернулся задомъ къ джуламейкѣ и пошелъ на другой конецъ бунта, наши и потащили веревку и покалябили куль къ себѣ. Сортъ!—Часовой обернулся и видитъ чудо: куль съ овсомъ самъ собой ползетъ въ казачью джуламейку. Часовой хочетъ бѣжать и остановить куль, да не смѣетъ: военный артикулъ не позволяетъ оставлять часы. Покуда часовой соображалъ, что дѣлать, куль съ овсомъ тѣмъ временемъ скрылся въ казачьей джуламейкѣ. Часовой сталъ кричать: «караулъ!»—И грѣхъ, и смѣхъ! Прибѣжалъ ефреторъ, да не скоро. Покуда часовой разсказывалъ ефретору, въ чемъ дѣло; покуда ефреторъ сходилъ доложить дежурному; покуда сообразили, въ чемъ дѣло; покуда собрались идти къ намъ съ обыскомъ,—тѣмъ временемъ мы овсецо раздуванили, по горсточкамъ разобрали, по торбамъ разсыпали да лошадушкамъ роздали, а тѣ въ единъ мигъ ску-

---

[1] Послѣ и самъ Перовскій приказалъ жечь нетолько рогожные кули, а даже веревки, чтобы приготовить пищу солдатамъ.

шали; куль сожгли, буранъ и слѣдъ замёлъ. И вышли мы чистехоньки: этого мало: еще въ амбицію вломились; жалуемся, какъ-де смѣли насъ опорочить. А въ другой разъ, продолжалъ старикъ, точно такимъ же манеромъ утащили мы у часового будку».

— Какую будку? спросилъ я.

— «То-ись, не настоящую будку,» пояснилъ старикъ, «а большой деревянный коробъ изъ подъ говядины, что служилъ часовымъ замѣсто будки. Вотъ этотъ-то коробъ мы и укалябили у часоваго такимъ же точно манеромъ, какъ куль съ овсомъ,—укалябили и сожгли; и съ обыскомъ къ намъ не ходили: знали, значитъ, что ничего не найдутъ, — важнецъ!.. Когда услыхалъ Перовскій. что къ намъ, уральцамъ, изъподъ часовъ бѣгаютъ кули да будки, то до слезъ, говорятъ, смѣялся. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не смѣяться? Мы-то ужь, на что проще, сами прокудили, а тоже смѣялись до упаду; какъ же послѣ того Василью Алексѣичу-то не смѣяться? — Оченно смѣшно! А еще, сударь мой, у генерала Ц-го коробъ съ французскими сухарями украли, и сошло съ рукъ. То-ись, оно-бы, пожалуй, и не сошло, да ловко сдѣлали: сухарики съѣли, а коробокъ сожгли.—Какъ дознаешься? Не распарывать же намъ брюха! Ц-ій жаловался Ѳедоту Григорьичу (Бизянову [1]), а Ѳедотъ Григорьичъ отвѣтилъ ему, что за однимъ-де коробкомъ нечего гнаться, ваше превосходительство: у меня-де два украли, да и то не взыскиваю: на то-де они—кошомное войско; прошу не прогнѣваться! Молодецъ былъ Ѳедотъ Григорьичъ — царство ему небесное! прибавилъ старикъ: всѣ наши обстоятельства зналъ, лелѣялъ и берегъ насъ, какъ дѣтей..... Если-когда тебѣ разсказывать все, что мы прокудили, то долго не перескажешь; одно скажу: мы, кошомное войско, не взирали на приказъ къ разстрѣлу, и хорошо поступали. Первымъ долгомъ: себя и лошадушекъ своихъ сберегли, а вторымъ долгомъ: что мы не своровали, не потребили, то все пришлось бросать въ степи, и бросили [2] Вотъ ты и разсуди теперь, хорошо или худо мы дѣлали. Подъ конецъ похода, когда верблюды стали валиться не десятками, а сотнями; когда, значитъ, не на чемъ было поднимать и везти провизію, подъ конецъ, говорю, дозволено было брать всякому, кто чего и сколько захочетъ, да

[1] Любимый и уважаемый въ войскѣ генералъ, отецъ генералъ-маіора К. Ѳ. Бизянова, пользующагося также большою популярностью между уральскими казаками. Мы лично слышали отъ покойнаго Н. А. Веревкина, что ему во время похода въ Хиву, въ 1873 г., приходилось встрѣчать на Усть-Уртѣ стариковъ—киргизъ, которые хорошо еще помнили Ѳедота Григорьевича Бизянова и разсказывали о немъ много хорошаго.

[2] 4 февраля 1840 г. Перовскій писалъ Булгакову съ Акбулака: »Верблюды наши не одарены нравственною силою, которая насъ поддерживаетъ до крайнихъ предѣловъ возможности; они чрезвычайно какъ отощали; половина ихъ погибла; остальные окончательно не могутъ выносить вьюка. Мы принуждены были уменьшить тяжесть вьючнаго сѣдла, но въ такомъ случаѣ слѣдовало умножить число верблюдовъ, а между тѣмъ они падали у насъ ежедневно въ числѣ нѣсколькихъ сотъ. На пространствѣ послѣднихъ 150 верстъ отрядъ лишился слишкомъ 2000 верблюдовъ. Здѣсь я принужденъ былъ бросить слишкомъ 1500 четвертей муки и сухарей (шестинедѣльное продовольствіе всего отряда)». (Р. Архивъ 1878 г., кн. 2. 40—41).

ужь та бѣда: некому было брать: все больные, хворые да мерзлые. Однимъ только намъ была лафа: катались словно сыръ въ маслѣ. Что, резонъ я говорю?» спросилъ меня старикъ, положивъ руку мнѣ на плечо.

Я кивнулъ головой и спросилъ:

— Ну что еще тамъ у васъ было?

— «Да ничего особеннаго: воротились назадъ», сказалъ старикъ и, немного погодя прибавилъ: «значитъ, не всуе сказалъ Яковъ Михайловичъ Тарасовъ: пойдемъ и не дойдемъ; ужь такая проклятая страна эта Хива, что бы ей ни дна, ни покрышки!» Старикъ съ досадой плюнулъ, потомъ заговорилъ:

«На половинѣ пути, близь Усть-Урта, простояли сколько то дней въ раздумьѣ—идти впередъ или вернуться. Идти впередъ—боязно: не на чемъ провіантъ везти, да и людей мало: наполовину, чай, перемерзли, а которые остались вживѣ, тѣ, кромѣ насъ, уральцевъ, почти всѣ были больны. Вернуться—стыдно: орду насмѣшишь. Долго, говорятъ, Василій Алексѣевичъ былъ въ раздумьѣ; напослѣдокъ послалъ Ѳедота Григорьевича Бизянова съ сотней казаковъ на Усть-Уртъ провѣдать, какова дорога, можно ли идти, и нѣтъ ли гдѣ непріятеля. Черезъ нѣсколько дней Ѳедотъ Григорьичъ вернулся. Что же? Да все то же, батенька! Непріятеля, положимъ, нигдѣ нѣтъ, за то снѣга все тѣ же, по брюхо лошади.—Тогда ужь Перовскій рѣшился воротиться, и воротился [1]. Ложь ли, правда ли, говорили: Перовскій яко бы не хотѣлъ ворочаться, а хотѣлъ, во что бы то ни стало, идти впередъ, да Ц-й разговорилъ. Онъ, то-ись Ц-ій, въ тотъ разъ получилъ письмо изъ дома, а въ письмѣ яко бы ему писали, что въ Хивѣ-де ждетъ его и Василія Алексѣича лютая казнь. Ц-кій яко бы струсилъ и застращалъ Василія Алексѣича».

— Что такое? Я не понимаю.

— «Сразу и не поймешь; надо, значитъ, разсказать до конца. Слушай». И старикъ началъ: «У Ц-го былъ деньщикъ изъ солдатъ; долго у него служилъ; но передъ тѣмъ, какъ быть походу подъ Хиву, день-

---

[1] 1 февраля 1840 г. Перовскій издалъ слѣдующій приказъ къ своему отряду: «Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію государя императора въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить царскою волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, заваливавшихъ путь нашъ и всѣ корма. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны; одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилены, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній государя императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. Мнѣ утѣшительно благодарить всѣхъ васъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ». (Р. Арх. 1878, кн. 2, стр. 42).

щикъ этотъ ушелъ въ домовый отпускъ, куда-то въ удаленную губернію, и тамъ запропалъ. Ц-ій пошелъ въ походъ съ другимъ деньщикомъ. Хорошо. Когда Ц-ій былъ въ походѣ, въ то время пришелъ къ нему въ домъ старый деньщикъ. Барыня, то-ись жена Ц-го, тотчасъ же и пристала къ деньщику, чтобы онъ погадалъ о судьбѣ барина, то-ись Ц-го, и всѣхъ сущихъ съ нимъ; а деньщикъ, надо тебѣ сказать, былъ ужаснѣющій дока насчетъ этихъ дѣлъ: и по картамъ, и по бобамъ узнавалъ, главное—по водѣ узналъ все, что съ человѣкомъ будетъ. Деньщикъ сталъ гадать на картахъ—выходитъ скверно; сталъ гадать на бобахъ—скверно же; гадать на водѣ—еще скверпѣе. Велѣлъ самой барынѣ взглянуть на воду. Барыня взглянула черезъ плечо деньщика въ чашку съ водой и ахнула: и Ц-ій, и Перовскій, и всѣ большіе господа, что въ походѣ съ Перовскимъ были, всѣ они предоставились ей въ водѣ безъ головъ; а головы ихъ особо торчатъ на кольяхъ. Вотъ она какая притча-то! Лишь только жена Ц-го отудобѣла, тотчасъ же написала мужу письмо, объяснила ему все: такъ-де и такъ, любезный супругъ, Григорій-де (деньщика Григорьемъ звали, пояснилъ старикъ) вернулся къ намъ и вотъ-де что узналъ: сама-де я своими глазами видѣла и тебя, и всѣхъ васъ безъ головъ; вернись-де, другъ любезный, домой: лучше будетъ; наплюй-де на Хиву...Написала, говорю, жена Ц-го письмо и отправила его къ мужу съ нарочнымъ, съ киргизомъ; письмо-то и попало какъ разъ въ точку. Что, не вѣришь? обратился ко мнѣ старикъ, замѣтивъ, вѣроятно, на лицѣ моемъ невольную улыбку. Пожалуй не вѣрь, заговорилъ старикъ. Ц-ій анералъ былъ, да вѣрилъ. Онъ зналъ своего деньщика хорошо, что тотъ дока былъ. Однако такъ ли, сякъ ли, оттого ли, не оттого ли, вернулись, батенька, назадъ».

Старикъ на минуту остановился и потомъ продолжалъ: «И былъ же обратный походъ горше передняго [1]! Покуда шли впередъ, по крайности надежду питали, что не нынѣ—завтра выйдемъ изъ снѣговъ, встрѣтимъ хивинцевъ и съ ними сразимся; а какъ пошли назадъ, совсѣмъ другое». Старикъ махнулъ рукой. «Идучи впередъ». продолжалъ старикъ, «все пѣсни распѣвали, особенно одну, что на этой случай нарочно сложили, а сложилъ кто-то изъ господъ, что при Перовскомъ были; часто эту пѣсню распѣвали. Хочешь, я пропою ее?»

— «Сдѣлай одолженіе! очень радъ», сказалъ я.

Старикъ прокашлялся и запѣлъ:

«Славно, братцы, пришло время:
Мы идемъ всѣ на Хиву.
Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу.
Черезъ Эмбу перейдемъ,

---

[1] «Возвращаться не менѣе трудно», писалъ Перовскій Булгакову; «до нашего укрѣпленьица на Эльбѣ, гдѣ складъ нашихъ запасовъ, надо будетъ идти по снѣгу 160 верстъ, взбираться на двѣ большія горы и спускаться съ нихъ. На это потребуется отъ 15 до 18 дней, безъ корму для верблюдовъ. Помоги Богъ совершить этотъ переходъ безбѣдно!» (Р. Арх. 1878 г., кн. 2, стр. 41).

Ко Усть-Урту подойдемъ.
Тамъ мы спустимся подъ горы,
Гдѣ живутъ хивинцы-воры.
Намъ всего даютъ довольно,
И одѣты мы тепло.
Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны нипочемъ;
Джибаги прокляты сбросимъ;
Скинемъ теплы сапоги;
Шапки теплыя доносимъ,
Будемъ бравы молодцы.
Мы съ колоннами сойдемся,
Винну порцію запьемъ;
Винну порцію запьемъ,
Закричимъ мы вразъ: «ура!»
Тутъ погибнетъ вся Хива.
Мы избавимъ изъ неволи
Своихъ братьевъ-земляковъ;
Расколотимъ въ иху долю
Всѣхъ хивинцевъ-подлецовъ» [1].

«Вотъ какъ мы расхрабрились», сказалъ старикъ, кончивъ пѣсню. «За то, путешествуя назадъ, никто и не заикался про эту пѣсню: заказано было: стыдно-де... Что правда, то правда! Досадно, братецъ мой, что мы подлецовъ-хивинцевъ и въ глаза не видали. Только одному капитану Ерофѣеву съ одной ротой солдатъ посчастливилось отличиться. Онъ, этотъ капитанъ, провожалъ больныхъ изъ отряда въ Чушкакульское укрѣпленіе и столкнулся съ хивинцами [2]; но ружейной пальбой и барабаннымъ боемъ разогналъ ихъ, словно стаю воронъ. Тутъ особенно отличился барабанщикъ. Какъ только ватага хивинцевъ пріударитъ на отрядъ Ерофѣева, такъ барабанщикъ и

[1] Припѣвка къ этой пѣснѣ, не встрѣчающаяся въ разсказѣ Барсукова:
«Мы уральскіе казаки,
Идемъ съ радостью въ походъ.
Генералъ съ нами Перовскій—
Никакихъ намъ нѣтъ заботъ:
Онъ казачью службу знаетъ,
Не оставитъ насъ ни въ чемъ;
Провіантомъ насъ провадитъ,
Фуражемъ насъ наградитъ.
Мы муниціей исправны,
Всѣмъ нарядомъ снабжены.
У насъ шашки, пики востры;
Только быть намъ воруженнымъ,
Какъ мы словно на ученьѣ
Разъѣзжаемъ всегда встрой;
Командуемъ всѣмъ въ страженьѣ,
Мы идемъ въ кровавый бой.
Вотъ намъ драться не учиться,
Мы бывали на войнахъ;
Лишь бы дали намъ сразиться,
Расчирхаемъ всѣхъ ихъ впрахъ—
И потомъ мы возвратимся
Во Уральскій городокъ».

[2] 4 января 1840 г. Перовскій, между прочимъ, писалъ съ р. Эмбы Булгакову: Въ 180 верстахъ впереди насъ имѣется наше небольшое укрѣпленіе. На дняхъ

228

выскочитъ съ барабаномъ впередъ и трахъ! трахъ! трахъ! Хивинскіе кони всѣ въ разсыпную. Барабанщику дали Егорьевскій крестъ, и за дѣло: молодецъ!

Въ обратный путь, помню, мы поднялись въ первыхъ числахъ февраля, а въ мартѣ пришли на Темиръ-рѣку; тутъ отдыхали и ждали весны. За недѣлю до Благовѣщенья, помню, въ первый разъ увидали въ отрядѣ дикихъ гусей. И радость же въ отрядѣ была великая: «весна! весна!» говоримъ мы другъ другу и крестимся: морозы то ужь больно намъ надоѣли. Съ Темира, когда ужь снѣгъ сошелъ, стали отрядцами расходиться на линію. Съ больными было много возни. Зимой бѣдняжки отъ мороза гибли, а весной отъ цынги: заѣла она неладная солдатиковъ. Если когда не ошибаюсь, больше половины солдатиковъ пропало, а насъ, уральцевъ, Богъ миловалъ: изъ двухъ полковъ развѣ развѣ съ десятокъ казаковъ не узрѣли родимой стороны; остальные всѣ вышли здравы и невредимы; благодареніе Господу Богу!» [1].

Старикъ съ благоговѣніемъ перекрестился.

— Конецъ? спросилъ я разсказчика.

— «Нѣтъ, не конецъ! отвѣтилъ онъ: то-ись хивинскому-то походу, пожалуй, конецъ—прибавилъ старикъ; но мы то уральцы не всѣ развязались: человѣкъ насъ триста, съ Ѳедотомъ Григорьичемъ, послали въ новый походъ на Эмбу, къ морю, наказывать, то-ись, понашему, выкалывать адайцевъ».

— За что же?

— «За дѣло: знай край, да не падай, то-ись бѣлаго царя почитай, указовъ его слушайся!»

— Чтожь адайцы сдѣлали?

— «Вотъ что, слушай».

И старикъ началъ: «Для похода Перовскій собиралъ верблюдовъ съ киргизовъ; всякій родъ и поставлялъ сколько-то верблюдовъ, а адайскій родъ не далъ ни одного верблюда. Этого мало, что не далъ верблюдовъ; нѣтъ, онъ еще пакость сдѣлалъ: чиновника, который ѣздилъ по ордѣ и собиралъ верблюдовъ, адайцы связали и въ Хиву къ хану отправили; выходитъ, измѣну подлецы сдѣлали. Предъ походомъ было не до нихъ, а послѣ похода Василій Алексѣичъ и вспомнилъ про нихъ и съ Темира-рѣки, какъ я ужь сказалъ тебѣ, послалъ изъ насъ 300 человѣкъ съ Ѳедотомъ Григорьичемъ наказать адайцевъ. Помню, въ самомъ началѣ мая мѣсяца, мы сослѣдили адайцевъ близь устья Эмбы,

---

хивинцы напали на него, ихъ было двѣ тысячи человѣкъ и, разумѣется, они были отброшены. Появленіе ихъ весьма удивило насъ; мы не разсчитывали встрѣтиться съ ними такъ скоро. Они были такъ вѣжливы, что вышли къ намъ слишкомъ на полдороги впередъ. Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ они не появлялись вторично. Должно быть, это небольшой отрядъ, высланный для развѣдокъ». («Р. Архивъ», 1878 г., кн. 2, стр. 39—41).

[1] Смотр. письмо Перовскаго къ Булгакову отъ 14 февраля 1840 г. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, замѣчено: «Пѣхота моя отнюдь не въ добромъ здоровьѣ, а между казаками вовсе нѣтъ больныхъ». («Р. Архивъ», 1878 г., кн. 2., стр. 44).

при урочищѣ Крынъ-Узень; сослѣдили, говорю, адайцевъ и задали имъ такого трезвона, что до сихъ поръ не забыть: человѣкъ, думаю, съ 400, если когда не больше, мы порѣшили адайцевъ: насчетъ этого мы, признаться, молодцы —только заставь. Въ такихъ случаяхъ всегда отдаютъ такой приказъ, чтобы колоть только однихъ взрослыхъ мужчинъ, а женъ да дѣтей не трогать; но гдѣ тутъ соблюсти нашему брату приказъ? Лиха бѣда войти въ азартъ, а какъ войдешь въ азартъ, такъ шабашъ! пойдешь, значитъ, направо и налѣво, только крѣпись орда; никто, значитъ, не подвертывайся». Старикъ махнулъ рукой. «Мы же въ тотъ разъ, признаться, были злые-презлые—замѣтилъ старикъ: первымъ дѣломъ, хивинскій походъ не удался; вторымъ дѣломъ то, что мы съ Темира, какъ прочіе, надѣялись домой идти, а насъ вдругъ погнали въ новый походъ. Вотъ по этой больше причинѣ мы и удружили адайцамъ, то-ись какъ должно внушили имъ, чтобы на будущее время бѣлаго царя чтили и указовъ его слушались. Когда нибудь на досугѣ я разскажу тебѣ обстоятельно о такихъ дѣлахъ, какъ нашъ братъ наказываетъ, то-ись, выкалываетъ киргизовъ: любопытная, батенька, вещь! а теперь пора и забастовать; знаешь поговорку: хорошенькаго помаленьку!»

Старикъ всталъ и раскланялся со мной.

На этомъ прерывается разсказъ старика А. Д. Барсукова, записанный покойнымъ І. И. Желѣзновымъ, а далѣе слѣдуетъ небольшая замѣтка подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ отъ автора», составляющая какъ бы послѣсловіе, которую мы и приводимъ цѣликомъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ АВТОРА.

Походъ или, правильнѣе, гибель князя Бековича-Черкасскаго слабо сохранилась въ памяти народа; по крайней мѣрѣ мнѣ не довелось подслушать у казаковъ болѣе того, что передано въ первой главѣ. Причина понятная: во-первыхъ, это было почти полтораста лѣтъ тому назадъ, а во-вторыхъ, событіе это не захватывало коренной или, иначе сказать, жизненной стороны народнаго быта и потому пронеслось надъ народомъ безслѣдно, какъ обыкновенная невзгода, въ родѣ, напримѣръ, пожара, мороваго повѣтрія и т. п.; однимъ словомъ, это событіе — ни болѣе, ни менѣе какъ случайность войны. Подобныхъ случайностей въ жизни яицкихъ казаковъ, конечно, было не мало и прежде и послѣ несчастнаго похода Бековича; разница только та, что въ одно время погибло казаковъ больше, въ другое меньше. И оттого народъ помнитъ только одно: «пошли-де наши праотцы съ Бекичемъ въ Хиву и погибли». Впрочемъ, историческихъ фактовъ отъ народныхъ сказаній, спустя

230

полтораста лѣтъ послѣ событія и ожидать нельзя; объ этомъ и говорить нечего.

Что же касается сказочной и легендарной стороны преданій, то, извѣстно, народная фантазія очень изобрѣтательна, а память народа насчетъ этого очень впечатлительна, и все что изъ сказочнаго западетъ въ память народа, — все это долго живетъ въ народѣ. Такъ напримѣръ, составивъ себѣ когда-то понятіе о Хивѣ, какъ о странѣ заклятой, вродѣ заклятаго клада, казаки повѣрье это перенесли и на позднѣйшее предпріятіе противу Хивы, именно на экспедицію Перовскаго. Въ этомъ отношеніи, разницы у казаковъ между взглядомъ на походъ Бековича и между взглядомъ на походъ Перовскаго, какъ читатели видѣли, почти никакой нѣтъ. Даже разсказъ старика о походѣ Перовскаго наполненъ сказками и легендами больше, нежели разсказъ о походѣ Бековича. — Если чѣмъ и отличается разсказъ о походѣ Перовскаго отъ разсказа о походѣ Бековича—это тѣмъ, что въ разсказѣ о походѣ Перовскаго много дѣйствительнаго, фантическаго. Правда, все дѣйствительное, фактическое перемѣшано съ сказочнымъ и легендарнымъ; но я не вижу надобности проводить грани, гдѣ начинается и кончается сказка, и гдѣ начинается и кончается фактъ: вопервыхъ, это, по моему мнѣнію отчасти обозначается само собой; вовторыхъ, любознательные читатели могутъ сличить разсказъ старика—казака съ статьей неизвѣстнаго автора о хивинскомъ походѣ, напечатанной въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1859 г. № 10,—статьей, извлеченной, по всему видно, изъ оффиціальныхъ бумагъ. Считаю нужнымъ заявить только вотъ что: я пишу не историческія замѣтки, а сказанія народныя, и потому если гдѣ и окажется какой фактъ нѣсколько расходящійся съ оффиціальными бумагами и разными отчетами и реляціями, то да не забудутъ читатели, что тутъ выразился взглядъ народа—ничей.

Іоасафъ Желѣзновъ.

Къ страницѣ 133-й, къ выноскѣ 1-му (о возвращеніи изъ похода):

Прибывши съ отрядомъ на Эмбу, Перовскій, между прочимъ, писалъ Булгакову: «На обратномъ пути къ Эмбѣ отрядъ вытерпѣлъ еще больше лишеній, чѣмъ идучи отъ нея. Было еще 20 и 29° холоду, съ сильными буранами. Пять дней назадъ, послѣ мокраго снѣга при 4°, наступилъ 25 градусный морозъ съ очень сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Каково было верблюдамъ, которые слабѣли не по днямъ, а по часамъ Отрядъ еще не весь въ сборѣ, и я не могу съ точностію опредѣлить число верблюдовъ, погибшихъ въ послѣдніе десять дней; но, судя по отдѣленію, которое со мною и которымъ брошено на дорогѣ слишкомъ

600 верблюдовъ, надо полагать общую десятидневную убылъ, по крайней мѣрѣ въ 2000. Счастіе еще, что втеченіе нѣсколькихъ дней мы могли идти по слѣдамъ, которые оставлены предшествующимъ отдѣленіемъ, что дало мнѣ возможность прибавить шагу. Спасеніе или гибель отряда зависѣли отъ того, во сколько дней пришли бы мы сюда.—Отрядъ нашъ былъ словно корабль въ открытомъ морѣ, во власти бури, безъ мачтъ, отовсюду заливаемый водою. Чтобы не потонуть на мѣстѣ, онъ выбрасываетъ за бортъ все, безъ чего можетъ обойтись. Точно также и мы, съ тою разницею, что у насъ нѣтъ предметовъ роскоши, которыми бы пожертвовать для спасенія. Всѣ повозки, сани, лодки и пр., — словомъ все, что горитъ, въ томъ числѣ веревки и рогожи, все пошло на приготовленіе похлебки солдатамъ; но и этого достало только на три дня. Верблюдовъ мы кормили сухарями и овсомъ, запасенными про людей и коней. И несмотря на то, довольно значительное количество сухарей, муки и овса брошено, потому что, за недостаткомъ верблюдовъ, не на чемъ везти ихъ.» (Р. Арх. 1878, кн. 2, стр. 42—43).

Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ справедливости словъ Барсукова: И былъ же обратный походъ горше передняго?!